

Сталтех

Автор:

Андрей Ливадный

Сталтех

Андрей Львович Ливадный

Зона Смерти #3

Он попал в отчужденные пространства по воле злого рока. Он хотел выжить любой ценой, но ему предстояло пройти все круги техногенного ада, познать, сколь глубока человеческая подлость и сколь беспощадна равнодушная к людям сила техноса. Начинающий сталкер Максим не подозревал, что попал в неумолимый водоворот событий. Кому есть дело до инфицированного скоргами, погибающего новичка, когда военные и Орден Сталкеров стоят у порога разгадки тайны Узла, а армии механоидов сходятся в решающей битве? Но не все решают сильные мира сего. Только Максим и группа легендарной Титановой Лозы способны повлиять на неумолимый ход событий, открыть зловещие замыслы техноса, заглянуть за черту жизни и смерти, чтобы разгадать тайну мрачного здания с логотипом «DRG».

Андрей Ливадный

Сталтех

Пролог

Новосибирская зона отчужденных пространств. Ноябрь 2056 года...

Мощная дверь, усиленная композитной броней, плавно сдвинулась в сторону, открывая вход в подвальное помещение.

Антрацит слился с сумраком. Импульсный пулемет в его руках казался игрушкой. Стук в дверь был правильным, условным, но после бегства из Ордена вольный мастер-мнемотехник соблюдал железное, не раз спасавшее его правило: не доверять никому.

Снаружи, на улице завывал ветер, скрипел ржавый лист железа, выше фрагмента темных угловатых руин в разрывах облаков помаргивала одинокая звезда.

«Зря открыл обе двери!..» – с запоздалой досадой подумал Антрацит, чувствуя, как зимний морозный воздух проникает в подвальное помещение. Защитные установки, подвешенные под потолком, простреливающие короткий тесный тамбур, он накануне деактивировал для планового технического обслуживания, вот теперь стоял, глядя в темноту, ожидая, пока незванный гость как-то проявит себя.

Механоиды[1 - Механоиды – сленговое название, бытующее в среде сталкеров. На языке военных – «изделие техноса».] нынче пошли – один другого сообразительнее. Сенсоры у них чуткие, да и мозгов явно прибавилось. Что им стоит подслушать и воспроизвести несложную последовательность условного стука? И на мониторах внешнего рубежа охраны – ничего. Словно призрак постучался.

Исчадия техноса, конечно, твари еще те, эволюционируют с невероятной скоростью, но до людей им все же далеко. Антрацит напряженно ждал, недоумевая: почему никто не входит? На душе было неуютно. Все же Ковчег считай под самым боком, отсюда до руин Новосибирского Академгородка, где обосновалась группировка, километра три. Бывает, что и патрули мимо проходят. Состав боевых групп егерей известен, в них, как правило, входят сталкеры всех специализаций. Так что молчание датчиков наружного рубежа охраны вполне может быть делом рук метаморфа, прикрывающего группу от обнаружения.

Как же они меня вычислили? – Антрацит живо представил, что боевики Ковчега сейчас окружают вход в обнаруженное убежище вольного мнемотехника,

готовясь к молниеносному штурму.

Палец лег на мягкую гашетку, заглубленную в рукоять оружия. Запирать двери, пытаться удрать через тайный ход означало обречь все имущество, уникальную аппаратуру, собранную своими руками, на разграбление и уничтожение. «Ничего не получат!» – зло подумал Антрацит, намереваясь защищать свое убежище. Отдав мысленную команду, он запер внутреннюю дверь, обезопасив себя от броска гранаты, затем разблокировал узкую бойницу, не прекращая сканировать доступные фрагменты руин.

На улице, среди поднимаемой порывистым ветром поземки, импланты наконец зафиксировали движение.

Мгновенный анализ нечеткой сигнатуры[2 - Сигнатура, или энергоматрица, – характерная карта распределения побочных излучений, возникающих при работе устройства, механизма либо элементов энергопотребляющей экипировки.] удержал мнемотехника от выстрела.

Сталкер. Если судить по экипировке – явно не боевик Ковчега... Но искажение поставил грамотно. Подкрался, постучал – и назад в руины. Метаморф-одиночка? Антрацит, сосредоточившись на сканировании, локализовал фрагмент измененной реальности, скрывающий нежданного визитера. Тот притаился за нагромождением бетонных обломков, чего-то выжидая.

«Боевики Ковчега так не действуют, – мысленно рассудил Антрацит. – Если только сталкер не исполняет роль приманки», – он запустил автоматическое сканирование частот мью-фонной связи и замер в ожидании отклика.

Так и есть – одиночка. Ответ пришел на частоте вольных сталкеров.

Опознавательный код имплантов оказался ковчegovским, но это обстоятельство уже не смутило Антрацита. Он догадался, кто именно скрывается в руинах, и мысленно выругался в адрес бестолочи, испортившей ему столько нервов.

– Выходи, что прядешься?

Тень, скрытая искажением, шевельнулась. Если бы не узкофокусированное, направленное сканирование, нацеленное в заранее определенную точку, то обнаружить сталкера было бы очень трудно.

Ему пришлось снять маскировку, чтобы ответить:

- Ты двери-то открой, а?

- Покажись сначала. Только выходи медленно.

Искажение окончательно исчезло. На фоне руин появилась фигура сталкера - щуплого, невысокого, экипированного в потрепанную, изрядно побитую пулями и лазерными разрядами броню, в которой Антрацит с большим трудом узнал свой давний подарок.

- Гляжу, тебе скорги[3 - Скорги - микроскопические частицы, способные образовывать сложные структуры. Основа всего техноса Пятизонья.] совсем мозги сожрали? - Мастер-мнемотехник хоть и отпер внутреннюю дверь, но гостя встретил неприветливо. - Зачем явился? И что в руинах прячешься, если постучал? Жить надоело? Пулю решил схлопотать?

Сталкер дождался, пока закроется дверь, затем окинул взглядом сумеречный подвал, заставленный стеллажами, с наваленными как попало техноартефактами, странного вида устройствами, емкостями, в каких обычно хранят н-капсулы[4 - Н-капсула - плод металлорастения, содержащий дикую колонию скоргов, готовую к дальнейшему развитию.].

- Не злись, Антрацит. Проблемы у меня, - произнес он, отстегивая мягкое забрало защитного шлема.

- Нечего было ковчegovские импланты вживлять, - пробурчал мнемотехник. Дверь сухо щелкнула электрозамками, и сразу стало спокойнее на душе. - Говорил тебе - дрянь они одноразовая. Теперь, конечно, - проблемы. Или я тебя не предупреждал?

- Предупреждал. - Сталкер сел, понутив голову, некоторое время молчал, затем взглянул исподлобья: - Пакость мне всякая мерещится.

Антрацит укоризненно посмотрел на него.

Да, потрепала Макса зловредная судьба. Лицо сталкера покрывали свежие, едва зарубцевавшиеся раны, следы ожога либо обморожения. Глядел он хмуро, озлобленно, с неммым вызовом, адресованным всему окружающему миру.

- А в башку совать что попало, ты как думал - все обойдется, нормально будет? - укоризненно произнес Антрацит. - Ладно, - внезапно смягчился он. - Рассказывай.

- Да особо рассказывать-то нечего. Сталтех за мной по пятам ходит. Достал уже...

- Галлюцинации? - Мнемотехник положил увесистый «ИПК»[5 - ИПК - импульсный пулемет системы Карташова. В просторечье - «карташ».] на один из стеллажей. - И как часто?

- Периодически. Главное, что не во сне, а наяву. Из-за обыкновенных кошмаров тревожить бы не стал.

- Так, может, сталтех настоящий?

- Нет. Я в него стрелял - пули насквозь проходят. Словно он - тень, мираж, понимаешь? И вообще «мой», - Макс криво усмехнулся, - мой на обычных сталтехов не похож.

- В смысле? - удивился Антрацит. - Ты толком говори! А то как будто бредишь!

Сталкер на миг задумался, подбирая слова, затем глухо произнес:

- Не человек он...

- Ну, ты, Макс, загнул! Не человек!.. - рассмеялся мнемотехник. - Конечно. Сталтех - он и есть сталтех.

- Не понимаешь ты меня! - Нервы у сталкера были на пределе, это точно. - Говорю - необычный, странный! Он человеком и не был никогда! Метра полтора

ростом... Морда жуткая, узкая, башка как будто к затылку вытянута. Конечности с двумя суставами, кисти рук – трехпалые. Появляется внезапно, буквально секунд на десять-пятнадцать, и что-то пытается мне сказать.

– О чем хоть говорит?

Максим зло посмотрел на мнемотехника. Издевается?

– Откуда я знаю?! В голове скрежет возникает – от него мороз по коже. И непонятно – не то помехи в мью-фоне, не то действительно сталтех...

Антрацит лишь покачал головой.

– Импланты сбоят, – категорично заявил он. – Таких сталтехов, как ты описываешь, не существует. Уж поверь, я механической нежити повидал достаточно. Скорги, когда носитель захватывают, структуру опорно-двигательного аппарата никогда не меняют, – со знанием дела пояснил Антрацит. – Металлизированных собак видел, кошки попадались, крысы, но таких тварей, как тебе грезится, в природе до катастрофы не существовало. Это у тебя галлюцинации от «левых» имплантов. В твоей собственной башке этот сталтех живет, понял?

– Проверь, а?

– С какой радости? Я ведь тебя предупреждал?

– Ну что ты заладил? Просто – проверь! Я тебе заплачу!

Мнемотехник указал на кресло, похожее на страшное устройство для средневековых пыток.

– Экипировку снимай и садись туда.

Отказать сталкеру в просьбе он не смог. В отчужденных пространствах добро мало кто помнит, но Антрацит никогда ничего не забывал. Однажды Максим спас ему жизнь, и этого оказалось достаточно, чтобы пустить побоку все старые обиды и недоразумения.

– Бестолковый ты, Макс. Устроился?

– Угу.

– Чего дрожишь-то?

– Кресло у тебя... жутковатое.

– Прекрати! Ты же не пятилетний ребенок на приеме у стоматолога! Прошлый раз сбежал да глупостей наделал. Сиди уж!..

Максим сглотнул. В прошлый раз действительно глупо все получилось.

– Глаза закрой. Мысленно отключись от имплантов. Думай о том времени, когда их еще не было в твоём теле.

Максим покорно закрыл глаза.

Антрацит сел на вращающийся табурет, включил блоки аппаратуры, посмотрел на показания приборов.

– Макс, я же попросил! Что у тебя в голове творится? Импланты гиперактивны! В таком состоянии я не смогу найти причину сбоев!

– Ну, вколи мне что-нибудь! – зло огрызнулся сталкер. – Выруби мой мозг и работай себе спокойно!

– Не выйдет. Если потеряешь сознание, скорги вообще взбесятся. Они ведь сосуществуют в симбиозе с организмом. – Мнемотехник на миг задумался. – Хорошо. Я введу твой рассудок в пограничное состояние. Но и ты мне помоги. Неужели нет никаких нейтральных воспоминаний? Ты ведь не в Пятизоне родился, верно?

Максим ничего не ответил.

Попытка сосредоточиться на прошлом лишь усугубила положение. В сознании возникла цепочка болезненных ассоциаций, нанизывая одно пронзительное воспоминание на другое...

Глава 1

Окрестности Соснового Бора. Прошлое...

...Стылое, хрупкое утро.

Первый ледок подкравшейся зимы сковал лужи. Липкое месиво грязи, вспаханное гусеницами военной и строительной техники, застыло на морозе, открывая доступ к островкам руин. В звонкой тишине бледного рассвета тяжелые шаги патрулей отсчитывали последние минуты до окончания комендантского часа.

Город просыпался.

Историческая часть мегаполиса, наименее пострадавшая во время Катастрофы пятьдесят первого, уже наполнилась деловой суетой, а в зоне тотальных разрушений, на подступах к Барьеру, запечатавшему уничтоженную окраину города-гиганта сферической гравитационной аномалией, еще царила тишина.

Казалось, что тут никто не живет, лишь военные городки, обустроенные по периметру мутно-серого купола, отрезавшего Сосновый Бор от остального мира, выдавали присутствие людей.

Подле Барьера безраздельно властвовала армия, но в нескольких километрах, там, где заканчивались грязевые поля, а из земли начинали проступать невысокие огрызки стен зданий, жизнь постепенно брала свое. Тут, на самом дне жуткого подковообразного амфитеатра, образованного постепенно поднимающимися ввысь уступами зданий, за годы, прошедшие после Катастрофы, сформировался своеобразный мирок, существующий по собственным законам.

Там, где руины поднимались до уровня второго-третьего этажей, а стылый ветер гулял по расчищенным от обломков улицам и проспектам, после окончания комендантского часа появились редкие прохожие, подле недавно восстановленной станции метро бригады строителей, покинув уютное тепло подземки, ожидали подхода спецтранспорта.

Максим проснулся от холода.

Хотелось курить. Стылая сырость пробирала до костей, мышцы одеревенели, пустые, безрадостные мысли отражали лишь сиюминутные заботы и желания.

Кутаясь в старенькое пальто, он подошел к проему выбитого окна.

Сигарет не было. Внизу в разломе улицы уже появился народ. Бригады строителей, разгрузив материалы и инструмент, скрылись в одном из соседних зданий, говорят, его собирались восстанавливать, а на улице кое-где уже открылись маленькие магазинчики. Бизнес большого города постепенно выпускал щупальца, проникал в руины, – на первых этажах сохранившихся построек некоторые помещения отремонтировали, приспособив под торговые точки и незатейливые кафе.

Здесь никого не волновали чьи-то отдельно взятые судьбы. Каждый сам по себе. Выживает, как может.

Максим подслеповато посмотрел вдаль. Утро было ясное, зимнее солнце светило, но не грело.

Так же и в душе. Холодно. Одиноко.

Пару лет назад ему повезло выжить. И не более. Судьба, сломанная вмиг, не срослась вновь. После пережитого шока, хаоса, нескольких дней скитаний среди наполненных агонией руин он как будто впал в моральную кому, не сумел вновь окунуться в теплую суету большого города, а остался тут, на дне исполинской воронки, вырезанной в теле мегаполиса титаническим взрывом.

Некоторое время он прятался в развалинах, не в силах преодолеть ужаса перед случившимся, постепенно теряя счет дням, а когда его отыскали и доставили во

временный лагерь, то Максим, вновь оказавшись среди людей, внезапно понял, что большие скопления народа пугают его больше, чем ощущение глобального одиночества.

Моральный слом произошел мгновенно. Пережив катастрофу, он утратил спасительную для многих иллюзорность мышления. Максим видел превратившиеся в щебень кварталы, он теперь в точности знал, сколь ненадежен огромный город, как легко красивые и прочные с виду здания превращаются в пыль, не оставляя шанса на спасение... Страх перед повторным ударом жил глубоко внутри, он въелся в сознание, Максима не покидало ощущение, что множество людей, собранных в одном месте, каким-то мистическим образом притягивают беду. Если разбираться спокойно – глупость, но Макс поддался глодавшему его страху, бежал, снова ушел в руины.

Потребовались месяцы, чтобы прийти в себя, опомниться, а когда в душе вновь затлеяла искорка воли к жизни, оказалось, что его поезд давно ушел. Все, кого удалось спасти, были эвакуированы, зона руин объявлена запретной, а любой нарушитель рисковал получить пулю от патрулей, особенно в темное время суток.

Так он стал нелегалом. Человеком без документов и работы, числящимся в списке без вести пропавших, призраком, оказавшимся вне цивилизации, вне государства и общества.

Оказывается, не он один. Тысячи бродяг обитали на обломках мегаполиса, ведя нелегкую борьбу за существование. Максим стал одним из них, полностью погрузился в сумеречную, беспредельную жизнь, где банку найденных консервов приходилось отбивать у одичавших собак или того хуже – у себе подобных.

Уцелевшие городские кварталы он понемногу начал ненавидеть. В морозные или дождливые ночи оттуда сочился свет миллионов окон, казалось, что в многоэтажках притаились зрители, занявшие верхние ряды амфитеатра и теперь с интересом наблюдающие за жуткими драмами, разыгрывающимися внизу...

Может, он и ошибался. Шли дни, и Максим постепенно начал забывать прошлое, научился мыслить категориями одного дня, свыкся с лишениями, незаметно для

себя стал худым, ловким и жилистым.

А жизнь текла мимо, события двигались своим чередом.

Примерно через год после катастрофы руины начали разбирать, основные улицы расчистили, режим запретной зоны стал не таким жестким, как вначале, появились строители, у восстановленной станции метро сначала возникали небольшие стихийные рынки – там можно было купить сигареты, водку и продукты, да и солдаты уже не стреляли без предупреждения. Максим, поначалу с опаской отнесшийся к переменам, понемногу начал втягиваться в новую реальность – иногда нанимался в строительные бригады, но чаще уходил в руины, где еще оставалось множество потаенных мест, куда так и не добрались ни спасатели, ни военные, ни строительные бригады.

Тусклые мысли скользнули где-то на краю сознания и исчезли, ушли, как вода в песок.

Хотелось курить.

Он зябко поежился, кутаясь в пальто. Рука ощутила рукоять раритетного «стечкина», достать патроны к которому стало настоящей проблемой. Пистолет он нашел в одном из зданий, среди обломков раздавленного сейфа. Там же удалось раздобыть и боеприпасы. За год, что минул со дня находки, Максим привык к оружию, оно часто спасало ему жизнь, расставаться с ним было жалко, но в обойме осталось всего три патрона, и здесь помочь не могли даже военные – армия вот уже несколько лет как перешла на импульсные типы вооружений.

Через некоторое время Максим, голодный, хмурый и злой, вышел из приютившего его на ночь здания.

Наниматься к строителям желания не было. Идти в неисследованные руины с тремя оставшимися патронами – рискованно. Наступивший день ничем не отличался от других – он обещал лишь неопределенность...

Максим поднял воротник, сунул руки в карманы и побрел наугад по одной из улиц.

Он всегда так делал, если в точности не знал, чем заняться, куда идти.

* * *

На ближайшем перекрестке, подле покосившегося светофора, взирающего на мир выбитыми глазницами светофильтров, ошивался тип подозрительной наружности.

На нем было навешено громоздкое устройство, спрятанное в туристический рюкзак, вокруг, распространяя волны зеленоватого мерцания, в морозном воздухе медленно искажались панорамы иной реальности, созданные при помощи голографического проектора.

Максим остановился. Рука невольно сжала рукоять пистолета.

Пространство, открывшееся перед ним, завораживало. Заросли металлических растений густо покрывали руины какого-то города, среди оплывших холмов высился старый железнодорожный мост, покрытый коростой ржавчины, кое-где испятнанный кляксами серебристой субстанции, похожей на ртуть.

На переднем плане выделялся корпус механического создания, истекающий сизыми струйками дыма, высачивающимися сквозь многочисленные пробоины в корпусе.

Человек, экипированный в тяжелую броню, разбирал подбитого техномонстра, с удивительной легкостью извлекая из чрева механоида различные техноартефакты.

Максим немного успокоился.

Вербовщик.

Он слышал, что в руинах начали появляться так называемые зазывалы, вербующие будущих сталкеров, но еще ни разу не встречался ни с одним из них.

Об отчужденных пространствах Пятизонья ходило множество самых разнообразных слухов. Одна из таких аномальных территорий начиналась всего в нескольких километрах отсюда за границей купола Барьера[6 - Барьер – граница гравитационной аномалии, внутри которой расположена зона отчужденных пространств.].

Максим с интересом наблюдал за лазерным шоу, сопровождающимся громкими отрывистыми фразами вербовщика. Его голос, усиленный электронными устройствами, дробил настороженную тишину руин:

– Если вы остались за бортом жизни, если вам тесны оковы цивилизации, если нет никаких перспектив – присоединяйтесь к свободным сталкерам! Испытайте свою удачу, ведь цена одного техноартефакта равняется годовой зарплате квалифицированного рабочего!..

В теснине одной из улиц внезапно показался военный патруль, и вербовщик, заметив его, тут же выключил аппаратуру, юркнув в ближайший пролом.

Максим все еще стоял подле покосившегося светофора. Военных в светлое время суток он не опасался, а вот фразы, сопровождавшие голографический рекламный ролик, почему-то задели его, продолжая звучать, будто эхо, в потревоженном рассудке:

Остались за бортом жизни... Присоединяйтесь... Испытайте удачу...

Сзади слышались шаркающие шаги. Оказывается, зрителей в прилегающих к перекрестку руинах было более чем достаточно.

Макс тряхнул головой, обернулся.

Какой-то старик, вышедший на свет из сумрака полуразрушенных зданий, остановился подле.

– Сволочи! – бормотал он. – Совсем страх потеряли! – Он обернулся к Максиму. – Ты слышал?! Они ведь зовут на верную гибель!

– Почему? – спросил Максим.

– Пятизонье – это проклятье человечества! – возмутился старик. – Кара! Кара за нашу самонадеянность! Там царит технос! Да, я знаю, – беспощадный технос! Созданные нами машины, восставшие против людей!

– Старик, ты бредишь, – бесцветным голосом ответил Максим. – Что же там опасного? Такие же руины, как тут?

– Технос! – словно заведенный, твердил старик. – Мы породили его! Породили скоргов – эту проказу, превращающую людей в нежить! Да, да, я знаю! Я видел сталкеров, пытавших вырваться оттуда! Они покрыты серебристыми пятнами, их тела стали пристанищем для микроскопических машин, разъедающих плоть, превращающих кости в металл!

– Врешь ты все. – Максим сплюнул, наблюдая за патрулем. Офицер и два солдата свернули в руины, наверное, заметили вербовщика и решили его перехватить.

Водянистые глаза старика вдруг вспыхнули мрачным безумием.

– Они ищут таких глупцов, как ты! Заманивают в пространства, откуда нет возврата! Мы все обречены!..

Максим не стал его слушать.

Военные свернули не в то здание. Вербовщик, если он знает руины, пойдет другой дорогой.

Надо бы догнать его, расспросить.

Оттолкнув старика, пытавшегося еще что-то сказать, он шагнул в пролом и скрылся в сумерках полуразрушенного здания.

* * *

Вербовщика он нагнал через пару улиц. Тот стоял, тяжело дыша после надрывного бега, привалившись к оплавленной, деформированной стене здания, в одном из проулков.

Максим, достав оружие, подошел ближе.

- Эй, как там тебя?

Вербовщик вздрогнул, резко обернулся и увидел пустой значок пистолетного ствола, нацеленного ему в переносицу.

- Закурить есть?

Тот вдруг часто закивал, хлопая себя по карманам. Его взгляд неотрывно следил за оружием.

- Тебя патруль заметил. - Максим опустил пистолет. - Не бойся, они в другой квартал побежали. - Он взял полупустую пачку сигарет, заметив, что пальцы вербовщика дрожат. - Да не трясись, не трону я тебя.

- Зачем гнался? - сглотнув, спросил тот.

- Курить охота. - Максим вытащил сигарету, а пачку сунул себе в карман. - Давай, расскажи: что ты там про сталкеров кричал?

- Я в Пятизонье народ вербую.

- Ну, это понятно. - Максим глубоко затянулся. - Мне тут старик один про какую-то «проказу Пятизонья» толковал. Ты что скажешь?

- Скорги... - Вербовщик сглотнул. - Они везде. Но их не нужно бояться! - внезапно опомнился он. - Есть хорошая экипировка, она реально защищает!

- И что? Допустим, я захочу стать сталкером?

- Да все просто! Отведу тебя на сборный пункт, тут неподалеку, в руинах. Там выдадут все, что нужно. Потом переправят за Барьер. Там, - он неопределенно кивнул в сторону мутного купола, - есть специально оборудованные лагеря. С герметичными убежищами, понимаешь? Оттуда будешь выходить, как на охоту, - завалил механоида, разобрал его, отнес добычу хозяину лагеря, а он с тебя долг за экипировку спишет. Еще раз вышел, снова с добычей вернулся -

тебе деньги на счет. Так три-четыре ходки сделал, и можно новую жизнь начинать!

- А если не справлюсь?

- Да ты, парень, - прям вылитый сталкер, - польстил Максиму вербовщик. - Сколько уже в руинах выживаешь?

- Давно, - пожал плечами Максим. - Года два, может, больше... Не помню уже.

- Вот и там не сложнее.

- Не врешь? Сам-то за Барьером бывал?

- Нет, - честно признал вербовщик. - Но оттуда все богатыми возвращаются. Уезжают за границу! Бывает, конечно, что и погибает кто-то из новеньких, но это уже... судьба! - нашелся он. - У кого на роду написано...

- Ладно, заткнись, - прервал его Максим. - Ты, мужик, идиотов ищешь, это понятно. Если там все так круто, деньги сами в руки лезут, так чего ты тут в руинах шатаешься? Почему сам в сталкеры не подался?

Вербовщик стрельнул взглядом по сторонам, затем начал снимать с себя туристический рюкзак, в котором был упакован голографический проектор.

- Скоргов боюсь, - признался он. Почему бы не сказать правду? Парень этот все равно в сталкеры не годится, у него полное безразличие к жизни на худом лице написано. Вон глаза ввалились, блеск в них диковатый. Может, больной или запойный, а может, просто - голодный. В любом случае нет у него азарта, той самой искорки, что толкает здоровых, вменяемых, зачастую хорошо обеспеченных людей в сущий ад, откуда действительно нет возврата.

- А чего ж ты их боишься? - продолжал допытываться Максим. - Сам ведь сказал - экипировка надежная и все такое? Ты толком-то расскажи: что за скорги такие?

- Сигареты отдай?

– Держи одну. Остальные оставлю, – отрезал Максим.

– Ладно. – Вербовщик взял сигарету, прикурил. – Я со многими сталкерами знаком был. – Его внезапно пробило на откровенный разговор. – Тема действительно такая, что лучше в нее не лезть. Дураки да обреченные попадают. Ну, еще те, у кого понты зашкаливают. Мол, круче нас только горы... – Он выпустил сизую струйку дыма. – Скорги... Знаешь, один мнемотехник мне точно сказал: это такие нанороботы. Меньше пылинки. Их где-то у нас разработали, а когда Катастрофа случилась, они из секретных хранилищ вырвались, на свободе оказались, размножаться начали.

– И что? – не понял Максим.

– Ну, у них сбой произошел. Программы все стерлись или перепутались, в общем, стали эти наномашинки сами по себе. Ну, как трава или микробы, понимаешь? Или вирус, так, наверное, правильнее будет. Они мелкие, вездесущие, разные. Некоторые просто металлорастениями прорастают, металлы тянут из земли, как дерево – соки. Другие технику захватывают. Они ее ремонтируют, устройства там всякие навороченные выращивают, и получается из какого-нибудь ржавого трактора натуральный техномонстр. На языке сталкеров – механоид. Понимаешь?

– Не очень. – Максим попытался представить картину, скупо нарисованную словами вербовщика, но ничего не вышло, воображения не хватило. Ржавый трактор мысленно представить – пожалуйста. А вот восстановленный и модифицированный скоргами механизм – не вышло. Нелепица какая-то.

– Ну а если вдруг у сталкера с экипировкой не все в порядке, – тем временем продолжил вербовщик, видимо, напрочь забывший о своем непосредственном задании, – ну, там герметичность нарушилась, или ранило его, так серебристая пыль если на кожу попадет – все, хана. Скорги начинают в человеке размножаться.

– Они что, мясо жрут? – удивленно переспросил Максим.

– Тупой ты. – Мужик неприязненно покосился на Максима. – Нет. Им органика вообще ни к чему. Энергия им нужна. И носители, чтобы управлять ими,

перемещаться, ну как тебе сказать – осознанно, что ли? Так их только пульсациями перебрасывает из одного пространства в другое да ветром, бывает, разносит. А внедрившись в носитель, они становятся сами себе хозяевами. Куда хочу, туда иду...

– А с человеком что происходит?

– Умирает. Но медленно. Пятна серебристой проказы по телу расползаются, плоть начинает разлагаться, вместо нее всякие устройства прорастают. Так постепенно из человека получается сталтех. Нежить... – Вербовщика передернуло.

Максиму стало интересно. Уж больно складно врет.

– А еще скорги в разные устройства внедряются, – продолжил тем временем вербовщик. – Сталкер один рассказывал: его дружок бинокль в руинах нашел. Старый такой, поцарапанный весь. А в нем скорги гнездились. Он посмотреть хотел, к глазам поднес, а там не видно ничего, муть одна. Хотел выкинуть, но он у него прямо в пальцах растекся, и все. Видели потом того сталкера уже полуразложившимся. Брел куда-то. Половина головы металлизировалась, руки, как механические протезы, вместо глаз какие-то устройства. А еще скорги в компьютерах гнездятся, в бытовых приборах, везде, где есть хоть немного энергии. Помнишь, еще до Катастрофы новые источники питания изобрели? Ну, целая рекламная кампания была – «Купите наш «уникум» и отключите свою бытовую технику от сети. Десять лет бесперебойной работы...» – Вербовщик выкинул окурок. – Сколько такой техники с десятилетним запасом энергии в отчужденных пространствах осталось? Да не считаешь. А микромашины энергию за версту чувствуют...

Максим слушал его, постепенно раздражаясь. Ну, загнул так загнул. Несет всякую околесицу. Сколько он брошенных «компов», да разной бытовой техники в руинах находил, и ничего. Некоторые устройства даже продать удавалось.

– Ага. – Он усмехнулся, поигрывая «стечкиным». – Допустим, в твой рюкзак скорги пролезли, и что станет?

– Не знаю... – Вербовщика передернуло. – А что?

– От любой взбесившейся машины есть хорошее средство, – зло произнес Максим. День и так начался угрюмо, безрадостно, а тут еще этот увалень со своими небылицами. Прочить бы его...

– Какое? – Мужик оказался наивным, видимо, в руинах работал недавно и нравы их обитателей знал плохо.

– Пуля. – Максим внезапно вскинул оружие и трижды выстрелил.

Вербовщик отшатнулся, побледнел, затем обернулся, с ужасом глядя на свой рюкзак, в котором истекали вонючим дымком три пулевых отверстия.

– Придурок! Что ты наделал?! Там же аппаратура! Она бешеных денег стоит!

– Нечего всякую чушь нести! – Максим сплюнул. Волна неконтролируемого гнева накатила и отхлынула. В такие минуты он сам плохо соображал, что и зачем делает. – Дуришь нормальным людям головы. – Он с досадой подумал, что зря истратил три оставшихся патрона. – Вали отсюда, сказочник!

В этот момент, привлеченные выстрелами, в глухом проулке показались двое мрачных типов.

– Вот урод... – процедил один из них сквозь сжатые зубы, при этом его верхняя губа хищно вздернулась. – Ну, ни на минуту нельзя оставить!.. Вечно в проблемы влезет!.. – Он уверенным заученным движением выхватил из-под одежды короткоствольный импульсный автомат, но затем, оценив ситуацию, передумал, подобрал с земли кусок ржавой арматурины и, подкравшись сзади, от души приложил Макса по затылку.

Перед глазами Максима вспыхнули кроваво-радужные пятна, ноги подкосились, он мешковато осел на землю и привычно сжался в комок, ожидая побоев.

Сознания он не потерял, но лежал не шевелясь, будто труп.

Один из громил подошел к рюкзаку, ослабил узел, заглянул внутрь.

– Ну, что там? – осведомился второй.

– На помойку. Проще новый купить. Ты куда смотрел, гаденыш? – Он обернулся к вербовщику. – Почему знак не подал? Мы думали, ты клиента обрабатываешь!

– Да какой он клиент?! Пристал, как репей! Больной на всю голову!

– Так тебя разве не инструктировали? Возникли проблемы, – знак подай, мы все уладим! А ты? Технику угробил, день теперь коту под хвост! А мы на утро борт у военных зафрахтовали! Для преодоления Барьера, сечешь? Он что, полупустой пойдет?

– Я не знаю! Этот придурок – больной! Бешеный какой-то! Откуда я знал, что он стрелять начнет?!

Оправдания вербовщика никто не слушал. Двое громил отошли в сторону, совещаясь.

– Ну, что делать будем?

– Да ничего. Сколько у нас человек не хватает?

– Троих.

– Ну, один у меня есть. Экстремал какой-то. В баре познакомились. И этих двоих заберем. Ты давай, Крамору отзвонись, пусть машину встречает.

Его напарник криво усмехнулся, взглянув на неподвижное тело Макса и бестолково суетящегося подле рюкзака горе-вербовщика.

– Хочешь их обоих в Пятизоне, к Греху отправить?!

– А какие варианты? Может, сам по руинам побегаешь, в поисках добровольцев? Ты главное, не тупи! Наше дело маленькое – народ набрать. А кто, как, почему – без разницы.

– Эй, я не согласен! – Вербовщик, слышавший их диалог, медленно попятился, пока не уперся спиной в огрызок стены. – Я никуда не пойду! Мы так не

договаривались!

– Серый, угомони его! Думать надо было головой! Аппаратуру угробил?! А кто платить станет?

Максим лежал, по-прежнему не шевелясь.

После удара по затылку к горлу подступала тошнота, голова кружилась, и ему по большому счету было сейчас все равно, где он окажется через несколько часов, лишь бы не забили до смерти. В сказки о Пятизонье он не верил. Нет там никого за непроницаемым мутно-серым куполом. Ни людей, ни машин. Пустыня одна.

Он плотно зажмурил глаза. Ну, заставят отработать на какой-нибудь стройке или в подпольном цеху. Не впервой. Сбегу...

В глухом проулке раздалось несколько мягких ударов, сопровождаемых сиплым судорожным вздохом вербовщика, затем прозвучал голос:

– Все, хватит! Подгоняй машину, грузим их! Нам по дороге еще ко мне надо заскочить! Давай в темпе, пока караул на блокпостах не сменили!

* * *

Что происходило дальше, Максим практически не помнил. После удара металлическим прутом по затылку в сознании все плыло, он оказался во власти багряных сумерек, на фоне которых изредка появлялись и исчезали мутные осколки реальности.

Его куда-то везли, в салоне старенького микроавтобуса нестерпимо воняло потом и бензином, прямо под ухом нудно, по-бабьи причитал тот самый вербовщик, похоже, он валялся, избитый и связанный, на полу между рядами сидений. Был с ними еще кто-то, но лица третьего пассажира Максим не запомнил, тот забился на последнее сиденье и притих.

Очередная остановка совпала с временным просветлением сознания. Максим сел, преодолевая дурноту, но тут с лязгом открылась боковая дверь, пахнуло

холодом, свежестью, в клубах взвихрившегося пара появилась фигура одного из громил.

Вербовщик вдруг отчаянно закричал:

– Серый, не надо! Я заплачу! Я...

Хрусткий удар оборвал надрывную мольбу. Максим инстинктивно сжался, наблюдая, как вербовщику заткнули пасть кляпом, а третьему пассажиру зачем-то завязали глаза.

Он понял, что тихо отлежаться, а когда представится момент – ускользнуть не выйдет.

День заканчивался еще хуже, чем начался. Куда их привезли, бесполезно даже гадать.

– Встали! Быстро!

Максим зашевелился, кое-как поднялся на четвереньки, затем кто-то схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Выходим по одному!

Он тупо подчинился. Ноги казались ватными, после сумрака салона микроавтобуса и долгой монотонной езды окружающее поначалу воспринималось нечетко, но холод, оглушительный рев двигателя и ледяной ветер быстро привели Максима в чувство.

Он хотел осмотреться, но новый окрик, сопровождаемый ударом приклада в спину, толкнул его в нужном направлении.

– Вперед! На борт!

Вертолет... Максиму вдруг стало по-настоящему страшно. Машина, притаившаяся во тьме, казалась огромным ревущим монстром. Ветер, бьющий из-под вращающихся лопастей, валил с ног, кто-то больно подталкивал в спину

стволом автомата, вокруг расплескалась вязкая ночная мгла, под ногами дыбилась замерзшая комьями грязь, в голове плавал красноватый туман. Похоже, что, кроме удара по затылку, он получил дозу какого-то препарата, подавляющего волю, заставившего подчиняться, идти из последних сил, вскарабкаться в чрево металлического чудовища и снова притихнуть, в ожидании скорой, но явно не доброй развязки...

* * *

Он ошибся. Перелет был долгим и трудным.

Максиму казалось, что на него положили бетонную плиту. Сила тяжести постепенно росла, он молча извивался, как червяк, пытаюсь выползти из-под навалившегося непосильного груза, кто-то гоготал, глядя на его потуги, потом, спустя некоторое время чуть отпустило, гравитация начала слабеть, зато пришло резкое и неприятное чувство зависания внутренностей.

Муть в голове так и не прошла.

Он лежал на полу, ощущая только холод металла, пока резкий толчок окончательно не привел его в чувство.

Снова окрик, резкий, будто удар хлыста:

– Встали! В темпе!

Военно-транспортный вертолет совершил посадку недалеко от мрачного скопления руин, и Максим, которого пинками подняли на ноги и вытолкали наружу, увидел, как в кромешной тьме, метрах в ста от площадки приземления, над приземистыми, полуразрушенными постройками старой подстанции с равными интервалами бьют стелющиеся вдоль промерзшей земли ветвистые молнии.

В ослепительных вспышках были видны овраги, по склонам которых густо росли металлические кустарники. Исковерканная, покрытая воронками местность казалась холмистой из-за нагромождений разбитой техники: обгоревшие, частично расплавленные корпуса странных машин горами возвышались подле

основания медленно вращающегося, пронизанного разрядами статического электричества мутного вихря, вздымающегося к хмурым небесам.

Максиму стало жутко. Чувство, сжавшее горло, нельзя было назвать страхом. Мгновенный инстинктивный ужас захлестнул, словно волна, накрыл, уже не давая опомниться, на фоне раздвоенности, нечеткости восприятия внезапно промелькнула тоскливая мысль: все, отсюда уже точно не сбежишь...

В полной прострации он сел на мерзлую землю, неподалеку о чем-то разговаривали между собой несколько военных и двое гражданских, вокруг в разных позах застыли пораженные открывшимися картинами исковерканной реальности будущие сталкеры.

– Все, погнали! – Голос раздался в промежутке между вспышками молний и глухими раскатами грома. Из темноты вынырнула фигура здоровенного детины, экипированного не хуже, чем военные, доставившие их сюда. Его лицо скрывало сложное устройство, напоминающее гибрид защитного шлема и дыхательной маски, за спину уходили два гофрированных шланга, в руках он сжимал короткую рукоятку, из которой то и дело появлялись кончики неприятно потрескивающих энергетических щупалец.

– Я сказал – встали! – рявкнул он.

Максим машинально подчинился, но его сосед – тот самый вербовщик – вдруг начал что-то лопотать, не то заискивая, не то доказывая свою непричастность к происходящему.

Сталкер не стал его слушать. Он одной рукой схватил вербовщика за горло, приподнял, глядя, как тот извивается, вцепившись в его руку.

– Так, все смотрим сюда и слушаем! Вы в Пятизоне. Я проведу вас в пространство Новосибирской зоны отчуждения. Там расположен наш базовый лагерь. И запомните одну элементарную истину – здесь каждый вздох, каждая прожитая минута – уже удача и счастье. Так что подобрали сопли – и за мной! Няньчиться ни с кем не буду! Шаг в сторону, попытка бежать – убью. А если вдруг не попаду, скорги сожрут. Выбирайте сами.

* * *

Новосибирская зона отчужденных пространств

Как бы ни складывалась сила неодолимых обстоятельств, Максим инстинктивно выбирал жизнь. Первые дни в лагере «мотыльков» – так сталкеры называли неимплантированных искателей приключений, – стали сущим адом, и выжить Максиму помог лишь опыт, приобретенный за несколько лет скитаний по руинам мегаполиса.

Здесь все было иначе, чем во Внешнем Мире. Жестче, откровеннее, словно незримая аномальная энергия, дающая жизнь механоидам и скоргам, вмиг сжигала все защитные оболочки, скрывающие сущность человека.

Максим, в отличие от других, поначалу ожил, очнулся. Он не понимал, как и что устроено в Пятизонье, лишь скалился, словно зверь, но не сломался, не пал духом. По привычке замкнулся в себе, сторонясь общения, только наблюдал, постепенно начиная соображать, что к чему.

Лагерь мотыльков представлял собой несколько кое-как загерметизированных подвалов. Заправлял всем торговец по прозвищу Грех. Невысокого роста, коренастый, еще не старый, покрытый металлизированными струпьями от многочисленных инфицирований, он ни с кем не церемонился, дисциплину поддерживал просто, но эффективно. Лагерь условно делился на четыре сегмента. В первом жили искатели приключений, добровольно пришедшие в Пятизонье. Они оплачивали еду, экипировку и считались свободными. Второй сегмент предназначался для невольников, попавших сюда по принуждению, как Максим, в третьем подвале располагались настоящие сталкеры, из одиночек. Четвертый подвал совмещал в себе магазин, склад и мнемотехническую мастерскую.

По прибытии их согнали в рабский подвал, накормили и велели спать.

Видимо, в еду было что-то подмешано – Максим вырубился прямо за столом, а когда очнулся, уже наступило утро.

Первая мысль, конечно, была о побеге. «Уйду в руины, – мрачно размышлял он. – Как только представится случай. Все равно куда-нибудь поведут».

Он как в воду глядел. Только еще не понимал, насколько все серьезно.

Здоровенный сталкер, что привел их в лагерь, появился в подвале примерно через четверть часа после того, как Максим очнулся от тяжелого забытья. Окинув взглядом длинное помещение с низким, давящим потолком, он почему-то остановил свой выбор именно на Максиме, который по-прежнему сидел за столом, мрачно размышляя на тему ближайших перспектив.

- Пошли.

- Куда? - Максим встал. Побоев он не хотел, поначалу проще подчиниться, а там уже видно будет.

- Сейчас узнаешь. Давай, шевелись!

Все подвалы «Греховного Пристанища» (так называли лагерь сами сталкеры) были соединены между собой подземными ходами.

- Это четвертый сектор. - Сталкер остановился подле массивной двери, перегородивающей тоннель. - Сюда будешь приходить каждый день. - Он коснулся пальцем сенсорной пластины, и дверь, подрагивая, рывками сдвинулась вбок.

Подвал, куда они попали, был разделен кирпичными перегородками на несколько помещений.

- Магазин прямо. Направо - склад. А тебе сюда. - Сталкер указал в правое ответвление.

- Что там?

- Обитель нашего мнемотехника, - криво усмехнулся сталкер. - Заходи, не стесняйся.

* * *

В помещении горел яркий свет. В лицо дохнуло чем-то давно позабытым, здесь смешивались запахи медикаментов, металла, каких-то химикатов, повсюду на столах, похожих на слесарные верстаки, громоздилось непонятное оборудование.

Мнемотехник оказался абсолютно лысым мужиком средних лет. На нем не было защитной экипировки, он носил джинсы и драный свитер, обут был в стоптанные кроссовки, по «лаборатории» передвигался вразвалку, прихрамывая, чудом вписываясь в узкие проходы между стеллажами.

– Садись. – Он указал на кресло с широкими подлокотниками. Прочные ремни, которыми, по всей видимости, пристегивали «пациентов», свисали до самого пола, и Максим невольно отступил на шаг.

– Не робей. У тебя уже все позади. Не хочешь садиться, стой – мне все равно. – Мнемотехник доковылял до своего рабочего места, грузно сел, сцепив пальцы рук в замок. – Значит, так. Слушай внимательно, повторять не буду. Видишь этот прибор? – Он взглядом указал на странного вида агрегат, установленный подле жутковатого кресла.

Дождавшись кивка, он продолжил:

– Это излучатель. Он способен воздействовать на колонии скоргов, не давая им размножаться. Ты у нас новенький, к местным порядкам еще не приучен, наверное, думаешь сбежать при первом удобном случае, верно?

Максим промолчал.

– Так вот, даже не пытайся. Если жизнь дорога.

Максим нахмурился.

– Ага, пытаешься сообразить, что же тебя удержит? – Мнемотехник ехидно хихикнул. – Правый рукав закатай, узнаешь.

Максим с недобрым, жутковатым предчувствием подчинился. Расстегнув липучку, он поддернул вверх рукав одежды, и вдруг в голове все помутилось от

внезапного ужаса.

На его запястье серебрилось похожее на кляксу пятно неправильной формы.

– Надеюсь, о скоргах ты слышал? Эй, только в обморок тут не падай! – Мнемотехник привстал. – Сказал же, присядь, легче будет. Вот так. А теперь дыши. Глубоко и ровно.

– Что это значит? – наконец справившись с собой, выдавил Максим.

– Подстраховка. Элементарная подстраховка. Всем новичкам дают с едой снотворное. Пока ты спал, я вживил тебе колонию диких скоргов. Они не опасны. Ничем не помогут, это не имплант, но и вреда не принесут. При одном условии – каждый день ты должен приходить сюда. Я буду облучать пятнышко, иначе скорги начнут размножаться. Пропустишь хотя бы один сеанс воздействия, и сквозь твою кожу станут прорастать тонкие серебристые нити, они быстро доберутся до костей, до мозга, знаешь – это жуткая боль. Врагу бы не пожелал. – Он говорил спокойно, даже соболезуя. – Поверь, я не хочу, чтобы ты превратился в сталтеха – нежить, которая бродит по отчужденным пространствам. Так что веди себя хорошо. И запомни, другой мнемотехник, даже если тебе повезет отыскать настоящего мастера, ничем не поможет. Только мне известны параметры облучения, стабилизирующие колонию. – Он выжидательно посмотрел на Максима. – Все понял?

Максим вынужденно кивнул.

Он чувствовал, как дикий, ни с чем не сравнимый ужас вновь крепко схватил его за горло.

Выхода не было...

– Иди, получай экипировку и оружие. – Голос хромого мнемотехника доносился как-будто издалека. – Иди, я сказал. И не забудь – вечером ко мне!

* * *

Получив экипировку, Максим вдруг оказался предоставлен самому себе.

Сначала он растерялся, а затем, задумавшись, зло усмехнулся.

Ну конечно. Зачем кому-то за ним приглядывать, сторожить?

Страх, желание жить, отголоски перенесенного шока – все смешивалось в душе и рассудке, сбивая с толка, оставляя ощущение пустоты и растерянности.

Сталкер по прозвищу Крюк, выдавший ему снаряжение, скупно изложил права и обязанности мотылька:

– Тебя в лагере никто не держит. Захотел – хоть сейчас в руины отправляйся. Но поосторожнее там. Новички обычно далеко не заходят. На рожон не лезь. Сначала к механоидам издали присмотришься, понаблюдай за повадками. Твари опасные, считай, что я тебя предупредил. Найдешь что-то стоящее или тварь какую подобьешь, добычу неси в магазин, к Греху. Он сам решит, что чего стоит.

– За экипировку не боишься? – зло выдавил Максим. – Вдруг испорчу?

– Мне-то чего бояться? Это ты трясись, не дай бог, где-нибудь порвешь или обо что-то поранишься. Скоргам любая, самая маленькая лазейка подойдет. А твое снаряжение другие принесут, когда труп отыщут. В общем, вали, у меня очередь.

Его действительно никто не задерживал.

Надев защитную дыхательную маску, накинув сверху капюшон из мягкой материи, мгновенно сжавшийся, плотно обтянувший голову, как будто присосавшийся к коже и материалу дыхательного устройства, Максим поднялся вверх.

От всего пережитого кружилась голова. Не хотелось ни есть, ни пить, даже двигаться и думать удавалось с трудом.

На улице шел моросящий дождь. Окрестные руины вздымались к хмурым небесам серыми, унылыми, иззубренными громадами. Кое-где целые этажи зданий были искажены, словно их материал на доли секунд размягчился и тут же застыл.

Вдалеке мятущимися отсветами мельтешили вспышки.

– Это боевые группы Ковчега с механоидами возле плотины схлестнулись, – прозвучал рядом чей-то голос. – С самого утра бой идет.

Максим обернулся. Рядом стоял сталкер. Это было понятно сразу, удобная, не стесняющая движений экипировка не так плотно облегла лицо и тело.

– Новенький?

Максим кивнул.

– Не робей. Притрешься. Будешь исправно добычу приносить, торговец тебя отпустит. Я тоже когда-то мотыльком начинал.

– И как?

Сталкер лишь пожал плечами, усмехнувшись.

– По-разному. Тут что ни день, то сюрприз. Всего не упомнишь и не расскажешь.

– А Ковчег? Это кто?

– Группировка такая. Академгородок держит. Хистер у них за главного. Только ты туда не лезь. С нашим мнемотехником уже познакомился?

– С хромым?

– Ну, да. Пингином его кличут, – наставительно произнес сталкер. – Так вот, он когда-то в Ковчеге обретался. Сволочь, конечно, еще та, но до хистеровских отморожков ему далеко. Если сравнивать, то Пингвин считай что добряк. Они там опыты над людьми ставят. Хистер завоеванием Пятизонья все грезит, мечтает универсального солдата создать. Ну, типа сталтеха, только чтоб ему, а не техносу подчинялся. Так что с егерями будь поосторожнее, если не хочешь прямиком на операционный стол попасть.

Нельзя сказать, что короткий разговор с вольным сталкером воодушевил Максима. Единственное, что он понял наверняка: выжить будет сложно, а вырваться из рабской зависимости еще труднее.

Он хотел подробнее расспросить о механоидах, но сталкер уже куда-то ушел. Зато двое мотыльков, как и он, полностью герметично упакованных, вытаскивали из подвала что-то мягкое, тяжелое, обернутое в черный полиэтилен, подозрительно похожее на человеческое тело.

Внезапный порыв ветра отвернул край черного шуршащего материала, и Макс вдруг увидел перекошенное, посиневшее лицо того самого вербовщика.

Его язык был прикушен, глаза выкатились из орбит.

– Что с ним? – сглотнув, выдавил Максим.

– Сердечко не выдержало. У мнемотехника на приеме загнулся, – глухо ответил один из мотыльков.

Максим отвернулся.

Вот так, меньше чем за сутки, круто и необратимо меняется жизнь...

* * *

Новосибирская зона отчужденных пространств

Первая ночь, проведенная в лагере мотыльков, неожиданно стала для Макса тяжелейшим испытанием.

Казалось бы, жизнь среди руин мегаполиса приучила его к лишениям, ограничила круг интересов и потребностей – чего желать недавнему бродяге, когда есть крыша над головой, еда, возможность выспаться в тепле, под защитой надежных, толстых стен, не вздрагивая от каждого шороха?

Действительно, стены подвала создавали некоторую иллюзию защищенности, внутри тускло горели несколько лампочек, сухое тепло подавалось в помещение через систему принудительной вентиляции, жесткие койки стояли с интервалом в три-четыре метра одна от другой, отгороженные кусками плотной материи, свисающими с потолка.

Сон не шел.

Глухие голоса обитателей герметичного убежища сливались в монотонный, лишенный смысла гул. Максим не понимал и половины терминов сталкерского жаргона. Некоторое время он прислушивался, затем бросил, погрузившись в собственные мысли.

Рука отчаянно зудела. В районе запястья, где притаилось металлизированное пятнышко, ощущался жар, хотя вечером он побывал у Пингвина, пройдя процедуру облучения.

Максим долго лежал, глядя в шероховатый, потемневший от времени бетонный потолок, следя взглядом за замысловатыми узорами покрывающих его микроскопических трещинок.

Наконец шум голосов постепенно начал стихать, но воцарившаяся тишина не принесла покоя. Стало еще тревожнее, будто странный, жутковатый, запечатленный в сознании лишь фрагментами мир, простирающийся за стенами подвала, притаился в ожидании какого-то страшного события, которое непременно заденет и его.

Максим, кряхтя, встал.

Жизнь в руинах мегаполиса научила его многому, в том числе выработала звериное чутье на опасность, но здесь она сочилась отовсюду! «Толстые стены, массивные двери – это лишь иллюзия защищенности», – шептал внезапно очнувшийся внутренний голос.

Какой тут сон? Глаза закрываешь, и воображение, словно сорвавшись с привязи, лихорадочно рисует картины одна страшнее другой. То грезится объятая сполохами молний подстанция в Сосновом Бору, то лицо вербовщика, имени которого он так и не узнал, перекошенное, посиневшее, искаженное внезапной

агонией, то вообще начинает грезиться всякая чушь – огромные металлические монстры, тянущие к нему свои цепкие лапы-манипуляторы, норовя ухватить за горло...

Злясь на самого себя Максим, пересек подвал, направляясь к выходу.

В смежном помещении, похожем на длинный узкий тамбур, вдоль стен выстроились пластиковые шкафчики с экипировкой. Он отыскал табличку со своим именем и начал надевать защитный костюм, состоящий из десятка отдельных элементов, плотно облегающих тело, стыкующихся внахлест, материал защитной оболочки тут же слипался, образуя герметичные швы.

– Наружу собрался? – раздался голос из глубины полутемного помещения.

Максим вздрогнул, обернулся.

У выхода за небольшим столом сидел сталкер. Перед ним был развернут нанокомп, на небольшом экране, спроецированном на поверхность стены, появлялись и исчезали строки каких-то сообщений.

– Оружие не забудь. – Сталкер, похоже, не собирался препятствовать Максиму. – На, возьми. – Он протянул ему небольшой чип. – К виску прижми, сам прилипнет.

– Что это?

– Мью-фон. Устройство связи.

– Он тоже из этих... скоргов состоит?

– А кто его знает? – пожал плечами сталкер. – Говорят, мью-фонную связь разрабатывали военные. Новое поколение коммуникаторов для специального применения. Есть там внутри скорги или нет – понятия не имею. Но чип безопасен, проверено. Мне такой же вживлен прямо под кожу. – Он машинально коснулся правого виска. – И ничего, жив, как видишь.

Максим с опаской взял чип, некоторое время грел его между пальцами, затем резким отчаянным движением прижал к виску.

Сначала он ничего не почувствовал, лишь через несколько секунд кольнуло, как иголочками, и все – небольшое устройство действительно плотно прилипло к коже.

– Держи. – Сталкер протянул ему короткоствольный импульсный автомат. – Обращаться умеешь?

– Умею, – солгал Максим. На самом деле импульсное оружие он вообще впервые держал в руках. До этого пользовался только огнестрельным, но дают – бери. Там разберусь, мысленно решил он, лихорадочно желая лишь одного – выйти наружу. Что он станет делать ночью один среди руин незнакомого города, сейчас не важно. Подвал казался ему ловушкой, в которой ждала скорая, неотвратимая смерть. Что-то гнало на улицу, и он не стал противиться интуитивному порыву.

– Сдашь, когда вернешься. – Сталкер подмигнул ему. – Не робей.

Максим ничего не ответил. Натянув на лицо защитную маску с дыхательным аппаратом, он шагнул по направлению двери. Сухо щелкнули электрозамки, и тяжелая преграда сдвинулась вбок, открывая доступ в тесный шлюз.

Еще минута, и он вышел наружу.

Внутренний дворик лагеря, огороженный символическим периметром бетонных блоков, тонул во мраке. Ни одного огня, выдающего, что тут кто-то живет.

Максим кое-как сориентировался, элементы примитивных сканирующих систем, встроенные в экипировку, включились автоматически, выданные ему темные очки, оказывается, работали как проекционный стереоэкран, и мир вокруг внезапно стал чуть светлее, на фоне сумрака четче выделились контуры предметов и зданий.

Ага, выход из лагеря. Он заметил разрыв в сплошной стене бетонных блоков, затем, подняв голову, осмотрел окрестные руины, с удивлением отметив, что на них проецируются контуры нескольких человеческих фигур.

Дежурная смена снайперов и наблюдателей, – услужливо подсказала информационная строка.

На него опять не обратили внимания. Ни окрика, ни вопроса, ни попытки задержать.

В ту ночь это показалось удивительным, но позже, уже освоившись в аномальных пространствах, Максим понял – здесь каждый выбирает собственный способ свести счеты с жизнью. Никто не станет останавливать новичка или мешать ему. Это как в природе: упал в воду – либо тони, либо плыви. Третьего не дано.

Удалившись от лагеря метров на сто, он свернул из пространства похожей на ущелье улицы в руины многоэтажного здания.

Ночь плескалась вокруг до странного тихая, теплая, несмотря на начало зимы. Небо над головой отражало сполохи света: где-то невдалеке шел бой, и по серому подбрюшью налитанных влагой облаков скользили отсветы, отражаясь в лужах талой воды мертвенными сполохами.

Максим не знал, куда и зачем идет.

Ему хотелось забраться повыше, увидеть город, вернее, то, что от него осталось, понять: куда же его занесло злым капризом судьбы?

Он начал подниматься по лестнице. Бетонные ступени кое-где треснули, выкрошились, некоторые пролеты держались лишь на ржавых прутьях обнажившейся арматуры, восхождение к верхним этажам пахло безумием, но Максим непременно хотел подняться на самый верхний этаж и осмотреться...

Что толку сидеть в подвале или вжиматься в стену, спрятавшись в проулке руин, когда запястье горит огнем, мысли пылают жуткими предчувствиями, которые, как он понял, можно подавить только одним способом – взглянуть в глаза этому миру, двинуться, идти по самому краю пропасти, чтобы не оставалось ни времени, ни сил на мысленные стенания. Как только он начинал думать о серебристом пятнышке на запястье, так перед внутренним взором сразу же возникало перекошенное, посиневшее лицо вербовщика, его прикушенный, вывалившийся изо рта язык...

Максим не хотел умереть столь же беспомощно и отвратительно.

* * *

Этаж за этажом он поднимался все выше.

Ноги гудели от непривычных физических усилий, сердце молотилось в груди, несколько раз ему приходилось перепрыгивать через зияющие провалы, где часть лестничных маршей обрушилась вниз. О том, как он будет спускаться, Максим пока не думал, и без того переживаний хватало с избытком.

Снизу, из ущелья улицы, дом казался невысоким, а на самом деле он насчитал уже семь пройденных этажей. Здание, накрененное, полуразрушенное, но непонятным образом устоявшее во время Катастрофы, господствовало над целым кварталом руин.

Наконец он выбрался на открытую всем ветрам площадку, окруженную огрызками искаженных стен. Дальше пути не было. Кое-где еще сохранились перекошенные оконные проемы, над головой, заслоня часть неба, нависала прогнувшаяся, частично обрушившаяся плита бетонного перекрытия.

Он встал на четвереньки, чтобы порыв ветра не сбросил его вниз, добрался до ближайшего оконного проема и взглянул на город.

Панорама руин, открывшаяся взгляду, потрясла воображение Максима.

Ночь плескалась множеством красок. Кое-где пылали пожары, внизу среди коробок обвалившихся зданий мелькали тени, на проекционном забрале шлема то и дело возникали странные, с точки зрения неподготовленного наблюдателя, фигуры различных механических исчадий. Если присмотреться, то в них еще можно было узнать некоторые хорошо знакомые из прошлой жизни машины, действующие теперь сами по себе...

Картина увиденного поначалу не нашла адекватного отклика в сознании.

Каждая деталь казалась незнакомой, пугающей, панорама распластавшегося внизу города, затянутого тугими петлями дорог, вызывала ощущение, что ты попал в другой мир, параллельную вселенную...

С высоты жилой многоэтажки открывался вид на широкий проспект. По правой стороне, почти касаясь стен полуразрушенных зданий, катились пять или шесть шипастых шаров, то и дело огрызающихся разрядами когерентного излучения.

Сдавленно пискнул сигнал одной из подсистем, встроенных в экипировку. Перед глазами тут же спроецировалось оперативное окно, в котором возникла трехмерная модель такого же утыканного длинными иглами шарообразного механизма.

Мигающая надпись гласила:

Объект: «Перекасти-зона». Механоид семейства примитивов. Вооружение – четыре лазерных излучателя, одно импульсное орудие. Преобразованный техносом охранный бот.

Максим некоторое время наблюдал за шипастыми шарами, не понимая, с кем они вступили в схватку, пока вдалеке, почти на пределе видимости, не возникли еще более странные и грозные контуры. Два механизма, отдаленно похожие на облитые серебром танки, медленно двигались через руины, проламывая широкие проходы в иззубренных стенах, изредка начиная вести огонь вдоль проспекта, за ними следовали три образчика бывшей строительной техники – два бульдозера и экскаватор.

Поначалу Максиму показалось, что он видит дурной сон.

Не верилось, что устаревшая строительная техника и танки образца прошлого века – и есть те самые механоиды, загадочные порождения техноса.

Иное восприятие пришло после внезапного, сокрушительного удара, нанесенного «бронезаврами» (так классифицировала механических исчадий система распознавания целей) по нескольким движущимся вдоль проспекта «примитивам».

Нестерпимо яркий волдырь плазмы, вспухший посреди проспекта, на миг ослепил Максима.

Он невольно отшатнулся от оконного проема, некоторое время сидел, дожидаясь, пока перед глазами перестанут мельтешить огненные круги, а когда выглянул вновь, то увидел лишь истекающую жаром остекленевшую воронку да обломки шипастых механизмов, превратившиеся в груды оплавленного, потерявшего форму металла, – их размягчило энергией взрыва, ударило о стены зданий и размазало по ним!.. Некоторое время Максим наблюдал, как в лужах серебристого расплава тонут отдельные детали уничтоженных плазменной вспышкой механизмов, затем его внимание переключилось на бронированных монстров. Два бронезавра в сопровождении трех строительных механизмов свернули в сторону, проламывая себе путь через руины разрушенного почти до основания квартала. Их путь лежал к серебристым зарослям металлорастений. Автоны (так назывались эти странные образчики техноса) густо проросли на оплывших холмах строительного мусора. Их металлические ветви, не гнущиеся под порывами ветра, щедро сыпали искрами, казалось, что цепь оплывших возвышенностей буквально напитана какой-то энергией. Крупные техномонстры, уничтожившие пытавшихся встать на их пути конкурентов, медленно вползли в границы очерченного сполохами статичности энергетического поля и застыли. Их омывали волны зеленоватого сияния, по серебристой, покрытой наростами броне змеились разряды микроскопических молний, но механоиды воспринимали эти явления, как должное, они словно купались в разрядах энергии, Максиму почудилось, что в поведении исчадий техноса есть что-то природное, стихийное, схожее с поведением стада крупных животных, добравшихся в период засухи до источника воды...

Устав наблюдать за бронезаврами, он присел, привалившись спиной к огрызку стены.

Хотелось закурить, но нельзя снимать защитную дыхательную маску.

Противоположную стену этажа снесло до основания каким-то давним взрывом, и Максим, все еще находясь под впечатлением увиденного, некоторое время просто смотрел в ночь, затем он внезапно ощутил беспокойство, привстал, вновь выглянув в окно, но в границах проспекта и прилегающих к нему кварталов не происходило ничего нового.

Ощущение опасности стало острее.

Он вдруг поддался панике, лихорадочно пытаюсь сообразить: что же так сильно давит на психику?

Снова взглянув в ту сторону, где полностью отсутствовала стена верхнего этажа, он заметил в темном ночном небе несколько полос зеленоватого мерцания.

Холодный неживой свет переливался над землей, постепенно выдавливая из мрака контур исполинского вихря, точно так же, как и в Сосновом Бору, царящего над отчужденным пространством.

Сияние становилось все ярче, по периметру мутной, медленно вращающейся воронки уплотненного воздуха внезапно начали бить изломанные высоковольтные разряды, словно молнии окольцовывали вихрь, сжимая его энергетическими оковами.

Чип мью-фона, о котором Максим уже успел позабыть, внезапно заработал:

– Всем сталкерам! Видны признаки пульсации! Ищите укрытия!

Максим растерялся.

Он мгновенно вспомнил то небольшое, что успели ему рассказать в лагере мотыльков. Пульсация загадочного Узла – самое страшное, катастрофическое явление отчужденных пространств. Если ты вовремя не нашел укрытия, не затаился где-нибудь в подвале, последствия наступят непредсказуемые.

Спускаться долго. Не успею, – лихорадочно подумал Максим. Он запомнил, что между первыми признаками и самой пульсацией проходит, как правило, не больше двух-трех минут.

Единственное, что он мог предпринять, – это спуститься хотя бы на один-два этажа и затаиться в глубине разгромленных квартир, в надежде что вал аномальной энергии минует его...

* * *

Бегом спустившись по пролетам уцелевших лестничных маршей, он оказался на площадке шестого этажа. Выбитые двери квартир приглашали войти, и он метнулся внутрь одной из них.

Как назло, окно комнаты выходило в сторону Академгородка, где пульсировал чудовищно распухший вихрь.

Максим подался назад, но было поздно.

Небо от горизонта до горизонта вдруг озарилось вспышкой ядовито-зеленого света, исполинский конус уплотненного воздуха словно взорвался, вздымая тучи пепла и пыли, от него во все стороны устремились клубящиеся выбросы, а вслед им ударил ясно различимый, движущийся вдоль земли кольцевой вал искажения.

Максим замер, пораженный увиденным, не в силах даже шевельнуться.

Волны зеленоватого мерцания скользили вдоль земли, они двигались медленно, неторопливо, но сила их сокрушительного воздействия переобразовала кварталы руин, отдельные уцелевшие здания вдруг начинали менять форму, словно состояли не из стали и бетона, а из мягкой податливой глины, попавшей в руки незримого скульптора...

Первая кольцевая волна приближалась, за ней виднелась вторая, третья, а в небе над разрушенным городом вдруг начали происходить еще более страшные, катастрофические явления: среди сумрака, высоко над землей, возникали ослепительные точки, мгновенно превращающиеся в лучевидные разряды все того же холодного, зеленоватого света.

Максим сжался в ожидании неотвратимой гибели. Его обуял не страх, а чувство непонятной, противоречащей инстинкту самосохранения эйфории, губительного фатализма. Все происходящее вокруг выходило далеко за рамки понимания, сердце замедлило темп ударов, в ушах возник гул, ноги подкосились, он рухнул на колени, но так и не сумел отвести взгляд от сводящих с ума, фантастически красивых, несущих зловещую мощь явлений.

Точки ослепительного света взрывались, превращаясь в лучи, бьющие в произвольных направлениях, через секунду они гасли, оставляя в воздухе полосы слабого, постепенно затухающего мерцания.

Один из таких разрядов ударил в здание, где находился Максим. Ему повезло: луч вонзился в строение где-то на уровне третьего или четвертого этажа, пол под ним вздрогнул, затем раздался оглушительный скрежет, хруст, следом ударил взрыв, выметнувший наружу облако пыли и мелких обломков.

Несколько секунд все вокруг ходило ходуном, по стенам бежали трещины, перекрытие над головой разломилось, издавая звон лопающейся арматуры, на Максима посыпался бетонный щебень, но это было лишь началом: он едва пришел в себя после удара стреловидного разряда, как до здания докатилась первая кольцевая волна искажений.

Его ощущения трудно описать. Что должен чувствовать человек, находясь на высоте шестого этажа, когда строение вдруг превращается в мягкую, податливую массу? Нижняя часть постройки внезапно утратила прочность и начала угрожающе проседать, затем вновь раздался ужасающий треск и... все застыло, стихло, замерло...

Максим, сжавшийся в комок, запорошенный бетонной пылью, простившийся с жизнью, некоторое время лежал на полу, не смея пошевелиться.

После грохота и скрежета его внезапно окутала вязкая тишина, в которой слышался лишь отдаленный перестук падающих с большой высоты камешков.

Он открыл глаза.

Произошедшее с ним было похоже на смерть и внезапное возрождение. Таких сильных, шоковых, противоречащих друг другу эмоций он не испытывал никогда. Все, что происходило с ним прежде, мгновенно поблекло, превратившись в тусклые, ничего не значащие воспоминания о какой-то прошлой, серой, обыденной жизни.

Пульсация, продолжавшаяся несколько секунд, каким-то чудом минула его в физическом смысле, но в моральном Максим получил по полной программе. Поднявшийся с пола человек был уже не тем бродягой, что тупо и безразлично

относился к собственной судьбе, покорно принимая силу сложившихся обстоятельств.

Пульсация не сделала его храбрецом, не наделила каким-то чудесными способностями – она обожгла, затронув глубины сознания, – он испытал столь всеобъемлющий ужас, такое неистовое желание жить, что вернуться в прежнее состояние уже не мог.

Перед глазами еще стыли холодные росчерки зеленоватого света, а он, кое-как встав на ноги, машинально осмотрелся, впитывая все новые и новые ощущения, словно пульсация породнила его с аномальным пространством, вдохнула в Максима иную сущность... а может быть, она сожгла кокон безразличия, конформизма, уничтожила тысячи мелких страхов, бывших стенами узилища для надломленного катастрофой сознания?

Напряженная, не предрекающая ничего доброго тишина окутала руины города.

Постепенно поднимался ветер. Здание уже не вибрировало, оно устояло, вобрав новую порцию искажений. Максим взглянул на потолок, изогнутый плавной синусоидой, еще раз остро осознавая, как близко прошла от него смерть.

Что же дальше?

Он растерялся. Вполне понятное состояние, ведь опыта выживания в аномальном пространстве у него не было вообще. Что делать? Куда идти? Выбираться из здания или еще немного переждать?

Шагнув к окну, он выглянул наружу.

Плавно изогнутая стена обрывалась пропастью. Внизу, среди вздыбленного ландшафта, отчетливо виднелись новые разрушения, возникшие под воздействием титанической энергии пульсации, – во многих местах истекали жаром огромные воронки, из руин высачивались сотни дымов, ветер, набрав порывистую силу урагана, сминал тучи пепла и пыли, размазывая их вдоль земли.

Максим смотрел на панораму руин, одной рукой вцепившись в оконный проем, в другой сжимая оружие. Его взгляд стал более осмысленным, исчезла поволока мелких страхов, во взгляде читалась искорка здорового любопытства.

Красноватое свечение заставило его обратить внимание на изменившуюся стену дома.

На уровне третьего этажа, примерно там, куда угодил лучевидный разряд холодного зеленоватого света, зиял огромный пролом. Изнутри сочился жар, но что являлось его источником, оставалось загадкой. Физика аномальных процессов была непостижима, но воспринимать реальность можно по-разному. Максим уже понял, что в большинстве случаев придется довольствоваться констатацией фактов, и это вполне устраивало его. Ломать голову над природой явлений – удел ученых.

Чувствуя, что ураганные порывы ветра только усиливаются, он отошел от окна.

Здание начало мелко подрагивать, вибрируя под напором разбушевавшейся стихии.

Выбравшись на лестничную площадку, он решил спускаться, еще не подозревая, что оказался в уникальной ситуации – поймать первые минуты после пульсации мечтает каждый сталкер, но, сидя глубоко под землей, в убежищах, трудно определить, что очередной катаклизм завершился и можно выходить наружу. Дело в том, что пульсация перемещает между отчужденными пространствами миллионы тонн вещества. Огромное количество предметов, механоидов, не успевших найти укрытие сталкеров, тонны мусора, обломки зданий – все это причудливо разбросано по округе, вкраплено в земную поверхность, совмещено с изувеченными зданиями. Исчадия техноса и колонии скоргов после удара аномальной энергии находятся в состоянии временного сбоя, они неспособны нападать или оказывать сопротивление.

Максим спускался по искаженным ступеням, не понимая, что вокруг простирается настоящий Клондайк, который исчезнет спустя десять-пятнадцать минут.

На лестничной площадке третьего этажа ощущался жар.

Стену одной из квартир вспучило волдырем, в бетон, растрескавшийся от высокой температуры, были невероятным образом вкраплены различные, наполовину расплавившиеся детали незнакомых Максиму механизмов.

Интересно, что же там внутри?!

Он ошарашенно посмотрел на стену, затем перевел взгляд на перекошенный дверной проем и внезапно решился войти.

Сразу за порогом пол обрывался, участок перекрытия между этажами испарился, огромная дыра светилась по краям тонкими ниточками раскаленной арматуры.

В сумраке, сразу за провалом, что-то тускло отблескивало. Максим, охваченный внезапным губительным азартом, прикинул ширину пролома, отступил на несколько шагов и, коротко разбежавшись, перепрыгнул его.

Несколько секунд он стоял, вжавшись в горячую стену, затем осторожно, мелкими приставными шагами прошел по узкому карнизу и, наконец, оказался в следующем помещении.

Картина, открывшаяся взгляду, потрясла Максима до глубины души. В первый момент он инстинктивно отшатнулся, но вовремя вспомнил, что позади него огромная дыра.

Прямо перед ним в пространстве комнаты застыл механоид. Сила пульсации захватила исчадие техноса где-то в другом регионе Пятизонья и принесла сюда. По стечению обстоятельств в момент материализации механическая тварь оказалась совмещенной со стеной здания, что и вызвало взрыв.

Механоид выглядел огромным и устрашающим, но, присмотревшись, Максим понял, что перед ним лишь небольшой фрагмент техномонстра – остальное попросту испарилось вместе со стенами и частью межэтажного перекрытия.

Подойдя ближе, он некоторое время всматривался в наплывы серебристого материала, пытаясь угадать, что же послужило исходным носителем, на основе которого скорги сформировали гигантского обитателя аномальных пространств.

Узнать это так и не удалось. Искореженный фрагмент, занимавший всю комнату, внедрившийся в выпученные наружу стены прожилками серебра, все же являлся лишь ничтожно малой частью какого-то огромного, уже не поддающегося точной идентификации механизма.

Осматривая его, Максим обратил внимание на множество различных устройств, расположенных за взломанной броней, в нескольких внутренних отсеках техномонстра.

Преодолевая понятную робость, он подошел вплотную к обломку, затем, стараясь не порвать экипировку об острые края развороченной обшивки, заглянул внутрь. Не зная названий различных техноартефактов, он брал их наугад, сортируя по критерию доступности. Те, что отделялись легко и весили немного, он спешно укладывал в специальный рюкзак, являвшийся частью выданного ему снаряжения, те, что не хотели отсоединяться или весили слишком много, он оставлял на месте, надеясь вернуться за ними позже.

Им внезапно овладел азарт.

Доверху набив рюкзак, он отделил еще несколько узлов механоида, но, в конечном счете, все же не стал их забирать, а положил на пол.

Два огромных импульсных орудия, торчащих в разные стороны, он даже не тронул. Они весили по несколько центнеров каждое, и, чтобы извлечь их из механоида, нужен по меньшей мере подъемный кран...

Максим действовал быстро, в лихорадочном возбуждении. Набив рюкзак, поборов в себе желание утащить побольше, он сделал короткую передышку, чувствуя, как пот струится по спине.

Ощущения били через край. Говорят – новичкам везет. Он то и дело поглядывал на обломок исчадия техноса, не уставая поражаться его размерам. Надо же... Трудно представить: смог бы человек противостоять такому механическому чудовищу? Наверное, нет. Максим отдышался, поднял рюкзак, прикидывая его вес, затем, изловчившись, швырнул добычу через пролом.

Прежде чем прыгать самому, он обернулся.

По изломанному, смятому, еще источающему жар обломку змеились искажения. Серебристый материал как будто плавился: прямо на глазах появлялись сотни локальных очагов, где металл по непонятной причине становился мягким, его вспучивало волдырями, замысловато закручивало, словно миллиарды мельчайших металлизированных частичек вдруг отделились друг от друга и теперь перестраивались, пытаюсь создать какую-то новую конфигурацию...

Скорги... – Максима передернуло. – Нужно убираться отсюда, чем скорее, тем лучше!..

Увиденное придало сил, он без особого трепета перепрыгнул зияющую дыру и вновь оказался на лестничной площадке. Оружие он закинул за спину, затем опасливо подошел к рюкзаку с добычей, который скатился вниз по ступеням.

А что, если собранные им техноартефакты уже превратились в лужицы серебристого расплава?

Он заглянул внутрь.

Нет, вроде все нормально. Потуже затянув горловину, он повесил рюкзак на плечо и начал торопливо спускаться.

* * *

Свою первую вылазку Максим запомнил навсегда – необычайная удача и огромная добыча сразу же выделили его среди других молодых старателей – он получил от торговца новую, более удобную и прочную экипировку, да и его авторитет поднялся с нулевой отметки, теперь уже ни Пингвин, ни охранники из числа наиболее жестоких, озверевших сталкеров не повышали на него голос.

От здания, где его настигла пульсация, до лагеря мотыльков было всего несколько сот метров. Максиму действительно крупно повезло в первой вылазке. Сколько он ни пытался в последующем повторить трюк с пульсацией, ничего не получалось. Во-первых, он уже знал, с какими разрушительными явлениями ему придется столкнуться, и еще раз встретить катаклизм на поверхности Максим так и не решился, а выходя раньше других из убежища, он успевал подобрать лишь что-то по мелочи, не более. Во-вторых, скорги очень быстро

восстанавливали функциональность, а неразумный риск – отличительная черта мертвых сталкеров – эту нехитрую истину Максим усвоил достаточно быстро.

Здание, в котором он пережил удар пульсации, превратилось в огромную коварную ловушку. Скорги оккупировали его, они распространились по всем помещениям от верхних этажей до подвала – уже на следующее утро многоэтажка серебрилась молодой порослью металлорастений, но несколько сталкеров, внимательно выслушав рассказ Максима, все же рискнули проникнуть внутрь, в надежде что выжившая колония скоргов трансформировалась в металлорастения и не причинит им вреда. Они хотели исследовать обломок техномонстра или хотя бы выяснить, осталось ли от него хоть что-то, но их вылазка закончилась трагически – ни один так и не вернулся назад, хотя в здании не было слышно ни выстрелов, ни криков. Группа отлично экипированных, опытных сталкеров просто исчезла, как в воду канула.

С тех пор за зданием закрепилась дурная слава гиблого места, а заодно к нему прилипло название – Адский Клондайк.

Впрочем, через несколько месяцев Максиму довелось еще раз побывать в оплетенной автонами высотке, но уже при других обстоятельствах.

Глава 2

Руины Новосибирска. Два месяца спустя...

Редко кому из мотыльков удавалось продержаться в Пятизонье больше месяца – неимплантированные старатели либо погибали, либо решались на вживление необходимых устройств, переходя в когорту вольных сталкеров-одиночек.

Макс и тут стал исключением из правила. Некоторые считали его отчаянным храбрецом, другие – трусом.

Удивительно, но он сочетал в себе оба эти качества. Отчаянно рискуя при каждой вылазке, он так же отчаянно боялся инфицирования скоргами. То серебристое пятнышко на запястье, которое держало его в рабской зависимости

у Греха и Пингвина, не разрасталось, напротив, оно потускнело, вьевшись в кожу, и больше не беспокоило фантомными ощущениями жжения. Максим каждый вечер исправно ходил на прием к мнемотехнику, мысленно обещая себе убить Пингвина, как только... Дальше мысль начинала буксовать. Он чувствовал, что движется по замкнутому кругу.

Имплантация.

От самого термина Максима бросало в дрожь. Он не доверял Пингвину, сомневался в его способностях, и даже пример других мотыльков, которым тот успешно вживил метаболические импланты, выращенные из колоний скоргов, не убеждал Максима.

Шел день за днем. Выживать становилось все труднее. Окрестности лагеря техноартефактами не изобиловали, а удаляясь на два-три километра, Максим каждый раз рисковал пропустить обязательный ежедневный сеанс облучения.

Он то проклинал себя за нерешительность, то тупо злился на Греха и его приспешников, эксплуатирующих нехитрую схему сверхдоходного бизнеса. Жизнь мотылька ничего не стоила. Один самый захудалый техноартефакт с лихвой окупал все затраты на транспортировку потенциального сталкера через Барьер, его экипировку и проживание в герметичных убежищах.

Если бы не серебристое пятнышко на запястье, Максим давно бы ушел в руины, став вольным, но рабская зависимость, завязанная на инстинктивном страхе перед неконтролируемым размножением скоргов, каждый раз заставляла одуматься, снова и снова рисковать, доказывая свою «ценность».

...Сегодня Максим вышел пораньше. В сумерках еще клубился туман, когда он обошел стороной памятную многоэтажку. Адский Клондайк за последние несколько недель погубил уже с десятков искателей легкой наживы. Здание, оккупированное скоргами, действительно таило немало техноартефактов – исследуя его в бинокль сквозь проломы в стенах, можно было с легкостью разглядеть, как на втором и третьем этажах среди серебрящейся паутины распланных по стенам металлорастений скорги выращивают различные узлы и агрегаты. Кажется, только войди, протяни руку, и богатство само упадет в твои ладони.

Ага... Максим неприязненно покосился на здание, с которым были связаны самые страшные минуты его недолгого триумфа. В последний раз рассматривая Клондайк, он заметил троих сталтехов, накрепко пришпиленных к стенам впившимися в них побегами автонов. Лица бедолаг посинели, плоть уже начала отслаиваться от металлизированных черепов, но в оптику еще можно было узнать, кто именно попался в огромную ловушку. Всех троих Максим мельком видел в лагере, только имен и позывных не знал. Какая-то залетная группа, временно остановившаяся у Греха. Слухи о Клондайке распространялись быстро, и находилось достаточно рискованных ребят, кто был не прочь испытать удачу.

Теперь их удел – бродить по Пятизонью, став исчадиями техноса.

Максим пробирался через руины в туманном мареве занимающегося рассвета. Он постоянно контролировал окружающую обстановку, подмечая множество мелких деталей.

Справа серебрились заросли автонов. Накануне их еще не было. Через проспект у перекрестка протянулась свежая цепочка воронок – ночью, ворочаясь с боку на бок, он слышал звуки боя между механоидами, не поделившими тропу, ведущую к ближайшему энергополю.

Дрожь медленно ползла вдоль спины.

Он остановился, словно зверь, внимая мгновенно обострившемуся восприятию.

Здесь все построено на контрастах, а чувства не допускают полутонов. Любое впечатление, будь то торжество одержанной победы либо смертельная опасность, проходят на волне крайнего нервного возбуждения, потому и приобретенный опыт отпечатывается в сознании раз и навсегда.

Максим покинул лагерь раньше других, в надежде что на проспекте после ночного столкновения механоидов еще никто не побывал.

Сканеры экипировки работали со сбоями. Обилие металла мешало восприятию. С имплантами, наверное, куда проще. Они мощнее стандартных сканеров, да и информацию передают непосредственно в рассудок, не надо ловить строки сообщений на проекционном забрале, отвлекаясь, когда каждое мгновение может стоить жизни.

Думая о неизбежной имплантации, Максим почему-то сразу же представлял образ сталтеха. Как заклинило. Страх перед неконтролируемым размножением скоргов подступал к горлу, мешая дышать, мысли вдруг начинали путаться, и в такие минуты он ничего не мог поделать с собой. Знал, что рискует подцепить проказу зоны в любой из вылазок, мучился, тщательно подавляя гнев и отвращение при ежедневных посещениях лаборатории Пингвина, но принять волевое, осмысленное решение о добровольной имплантации до сих пор так и не отважился.

Пингвин лишь мерзко ухмылялся, глядя на его муки, торговцу и его банде было все равно – Максим давно уже окупил вложенные в него деньги и теперь приносил чистую прибыль. Выживет в очередной вылазке – хорошо. Погибнет, сгинет среди кишасших механоидами руин – особо горевать никто не станет. Найдутся другие, кто займет место погибшего мотылька.

Так и тянулись дни.

Максим короткой перебежкой пересек проспект, вжался в стену здания.

За цепочкой воронок в текучем мареве тумана сканеры фиксировали затухающую сигнатуру.

Подбитый механоид. Точно...

Максим осторожно двинулся вдоль стены. Железное правило: с одной стороны всегда лучше иметь надежную преграду. Он и так контролировал одновременно три направления, успевая осматривать тыл, постройки, расположенные по другую сторону улицы, слева от него, и при этом постоянно удерживал в центре внимания зафиксированное сканерами пятно слабой энергетической активности, расположенное впереди, по ходу движения.

Каждый нерв натянут в струну.

Тишина ватная.

Воронки, наискось перепавшие проспект, вздыбившие старый асфальт, кое-где выбившие из-под земли ржавые трубы коммуникаций, уже не дымились.

Максим присел под защитой оползня битого кирпича, протянувшегося от бреша в стене здания до середины проспекта, и вытянул шею, стараясь рассмотреть: что же там отсвечивает?

Подбитого примитива он заметил не сразу. Слабый сигнал, исходящий от энергосистем механоида, стушевывался старыми корпусами ржавеющих у перекрестка машин, по какой-то причине не захваченных скоргами и оставшихся там, где их настиг удар Катастрофы.

Максим не спешил покинуть укрытие. Фокусируя сканирующие устройства, он постепенно выделил контур опрокинутого набок, изрешеченного снарядами механоида. Его основу составлял примитивный механизм, из тех, что предназначены для ремонта дорожного покрытия улиц. Маленький, верткий, оснащенный устройством резки асфальта, расположенным за кабиной, и небольшим бульдозерным ножом впереди.

Скорги, захватившие его в качестве носителя, существенно модернизировали и усложнили устройство мини-трактора, теперь по бокам кабины выступали два лазерных излучателя, навесное устройство для резки асфальта превратилось в грозное оружие ближнего боя, скошенный бульдозерный нож был усеян острыми шипами, способными при столкновении пробить корпус другого механоида.

Максим медленно двинулся вперед.

Компьютерная схема его не устраивала. Нужно взглянуть собственными глазами, понять, что за повреждения получил механоид.

Вскарабкавшись на гору битого кирпича, он залег. Теперь в разрывах тающих полос тумана ему был виден корпус примитива. Опрокинувшийся набок механоид получил несколько снарядов в борт, один из армганов[7 - Армган - сленговое название лазерного излучателя.] снесло начисто, второй, похоже, уцелел, но добраться до него будет нелегко, приподнять в одиночку тяжеленного техномонстра нереально, а делать подкоп долго. Что в остатке? Сканеры фиксируют «Сердце зверя» – компактный накопитель энергии. Уже удача. Внутри развороченной снарядами кабины отблескивают непонятные устройства – наверняка элементы выращенного скоргами бортового компьютера. Обычно среди них попадает немало ценного: чипы мью-фонов, блоки памяти, процессоры, которые особо ценятся мнемотехниками.

В общем, есть смысл рискнуть.

Максим привстал, собираясь короткой перебежкой добраться до механоида, как вдруг со стороны Адского Клондайка раздался полный боли и невыносимой муки вопль.

В стылой тишине раннего утра крик прозвучал особенно жутко.

Следом вдруг зачастили выстрелы, затем одна за другой сверкнули две вспышки, снова раздался крик, словно внутри здания неведомые твари рвали на части еще живого человека...

Максим застыл как вкопанный.

Ударная воздушная волна от взрывов двух гранат разметала полосы тумана, пронеслась вдоль проспекта, внезапно открыв взгляду Максима ловушку, в которую он едва не угодил. В нескольких метрах от подбитого механоида с фонарного столба, свиваясь в спирали, подергиваясь, будто живые, свисали несколько обрывков провода. Хищная колония скоргов безуспешно пыталась дотянуться до перевернутого на бок примитива, а вот человека, приблизившегося к нему, схватила бы обязательно, но это было еще не все, метрах в двадцати от перекрестка в руинах промелькнули и исчезли несколько фигур, облаченных во все черное.

Боевики Ковчега! Охотники, уничтожающие механоидов, а заодно не щадящие и сталкеров, не принадлежащих к их группировке.

Правильно все рассчитали, сволочи. Штурмовать лагерь мотыльков им не по силам, а вот подкараулить кого-то из сталкеров, используя подбитого механоида как приманку, – милое дело.

Максим понял, что его заметили, причем не сейчас, а гораздо раньше. Неожиданные события уберегли его от верной гибели – если бы не хищная колония скоргов, маскирующихся под оборванные провода, то боевики Ковчега точно пристрелили бы его, или еще хуже, взяли бы живым.

О том, что случается со сталкерами, попавшими в плен к егерям, Максим был наслышан. Их используют в качестве подопытного материала в лабораториях Хистера – лидера Ковчега, грезящего идеей создания универсального солдата.

Метнувшись назад, Максим избежал выпущенной по нему автоматной очереди – пули лишь вздыбили султаны кирпичной крошки по гребню оползня.

Быстро сориентировавшись и оценив обстановку, он понял, что дела у него – хуже некуда. Егеря разделились и уже успели обойти его с флангов, двигаясь под прикрытием руин. Открытым оставался лишь путь назад, к лагерю, мимо Адского Клондайка, внутри которого происходили какие-то странные события.

Прорвусь!..

Максим огрызнулся несколькими выстрелами по мелькнувшим среди руин фигурам, больше для острастки, надеясь привлечь внимание сталкеров, охраняющих подступы к лагерю, и что есть сил припустил назад, пока боевики Ковчега не взяли его в кольцо.

В Пятизонье несколько сот метров – уже расстояние. Два-три километра – почти дневной переход. Бывает так, что из здания в здание пробираешься часами, особенно в разрушенных мегаполисах, где техники, захороненной в руинах, не счесть, а хищные колонии скоргов таятся повсюду, в ожидании шанса на получение носителя и дальнейшее развитие.

Пространство улиц для передвижения более удобно, но не менее коварно.

Максим, успев освоиться на небольшом пяточке отчужденных территорий, непосредственно примыкающих к лагерю мотыльков, неплохо ориентировался в окрестных руинах. По проспекту до здания Клондайка он пробежал, низко пригибаясь, петляя от одного укрытия к другому. Отсюда до лагеря метров четыреста. Как назло – путь к спасению вел через проулок. Снайперы, охраняющие периметр «Греховного Пристанища», Максима пока не видели и помочь, при всем желании, ничем не могли.

Перепрыгнув через широкий разлом, пересекающий проспект, Максим хотел нырнуть в спасительную, примыкающую к проспекту улицу, но не успел сделать и шага, как возникшая из сумрака руин фигура заставила его забыть о

проверенных маршрутах, резко метнуться назад, скатиться по осыпи бетонного щебня, затаившись в нескольких шагах от подъезда зловещей высотки.

Силуэт, который он разглядел, принадлежал сталтеху.

Нет в Пятизоне противников опаснее, чем люди, инфицированные и захваченные скоргами в качестве носителей. Для обычного оружия они практически неуязвимы. Крупнокалиберный «ИПК» или армейский лазерный излучатель еще способен причинить ущерб сталтеху, а воевать против нежити с короткоствольным «Штурмом» в руках – дело гиблое. Игольчатые пули только рикошетят от металлизированного эндоостова, не причиняя вреда человекоподобному исчадию.

Максим в отчаянье огляделся вокруг.

Дрожь рванула по спине. В паре метров – вход в жуткое здание, по другую сторону проспекта, в боковой улице – сталтех. Справа – боевики Ковчега, слева – полная неизвестность. Там простирались кварталы руин, богатые энергополями, эти места справедливо считались непроходимыми из-за обилия механоидов и густых зарослей металлокустарников.

Что же делать?!

Сталтехов Максим не просто боялся, они нагоняли на него мистический ужас. Сталкиваться в открытом бою с нежитью ему еще не приходилось, но различных рассказов о непобедимости и коварстве этих тварей он наслушался достаточно, да и разглядывая в бинокль металлизированные фигуры, различимые на втором этаже оплетенной автонами высотки, он испытывал лишь отвращение, его начинала колотить нервная дрожь, стоило лишь подумать о вероятности встречи с подобным исчадием.

Все когда-нибудь случается впервые. Отчужденные пространства играют судьбами, словно кот с полузадушенной мышью, – то отпустят, дав немного пробежать, вкусить иллюзию свободы, то придушат, вмиг возвращая цену каждого вздоха, каждого удара сердца...

Максим, выбирая между боевиками Ковчега и сталтехом, мысленно решил, что уж лучше померится силами с егерями, чем стать добычей нежити.

Он лег на живот, ползком поднимаясь к гребню осыпи, по которой в панике скатился минуту назад.

Сканеры экипировки работали на пределе слабеньких возможностей. Сознание разрывалось между информацией, поступающей на проекционное забрало, которую следовало еще и осмыслить, и привычными для человека поставщиками сведений об окружающем – зрением, слухом, осязанием.

Жизнь мотылька полна неудобств, которые в критический момент оборачиваются настоящим проблемами. Без метаболического импланта, без расширителей сознания человек в Пятизонье похож на связанного по рукам и ногам смертника, брошенного в клетку с тиграми, на корм.

Максим залег на вершине оплывшей кучи гравия.

Мрачное здание Клондайка за спиной напоминало о себе на уровне подсознания, давило, источая смертельную угрозу. Крики, доносившиеся оттуда несколько минут назад, до сих пор стыли в ушах.

Он осмотрелся. Сталтех куда-то исчез, визуально путь к лагерю вновь был свободен, но Максим, помня рассказы о коварстве нежити, не обольщался. Сталтех наверняка затаился где-то поблизости. Ждет, пока я рвану.

Нет уж...

Туман окончательно рассеялся, солнце вставало над иззубренными руинами, и проспект просматривался хорошо. Егеря, потеряв из вида прыткого мотылька, двигались по противоположной стороне улицы. Их логика подсказывала, что насмерть перепуганный охотник за артефактами ни за что не сунется к зловещему зданию. Судя по уверенным действиям боевиков, сталтеха они пока не засекли.

Максим немного воспрял духом. Дел-то – лежать, не шевелиться, сканеры отключить, чтоб не выдавали, и все уладится само собой. Сейчас егеря выйдут прямоком на человекоподобного механоида, и мало им явно не покажется. «Может, еще и с добычей вернусь», – подумал Максим. Мгновенная смена настроений – дело обычное. Секунду назад думал – все, крышка, а нет, живой

пока, вот уже и мысли о хабаре вернулись...

Из здания за спиной послышался слабый стон.

Он вздрогнул, но лишь плотнее вжался в щепень. Нет меня тут.

- Помогите... - Едва слышный голос на самом деле доносился из зловещей постройке.

Максим опять никак не отреагировал. Ледяной пот выступил по всему телу, но он даже не повернул головы. Кем бы ни оказался бедолага, рискнувший пробраться в здание, ему уже никто не поможет. Да и вообще, тут каждый сам за себя.

Егеря тем временем поравнялись с позицией Максима, но к лагерю мотыльков сворачивать не стали, видимо, знали о его существовании и справедливо опасались снайперов, несущих посменное дежурство в окрестных руинах. Да и сталтех куда-то запропастился. Может, действительно - померещилось со страха?

Ситуация вновь становилась критической. Боевики Ковчегу уходить не собирались - двое заняли укрытия, контролируя проспект, трое принялись осматривать руины.

- Сталкер, помоги!.. - Голос из здания прозвучал громче.

Проклятье!.. Егеря ведь услышат!..

Максим инстинктивно отполз чуть ниже, оглянулся.

Вход в Адский Клондайк, еще утром прочно замурованный сплетением металлокустарников, сейчас зиял черным провалом проделанного в автонах отверстия, похожего на беззубый рот, раскрывшийся в немом крике.

Так лихо разделаться с металлорастениями способен лишь мнемотехник. Макс, конечно, знал о «Фриче» - аномальной субстанции, не разрушающей органику, но зато превращающей металлы в подобие хрупкого стекла, крошащегося от

малейшего усилия, но тут явно работали не артефактной жидкостью – автоны, запиравшие вход, как будто сами раздались в стороны, плавно изогнувшись.

Нет, туда я не полезу...

Он категорически отвергал столь необоснованный риск.

Заросли металлокустарников Максим старался обходить стороной, и на то были веские причины. В утолщениях ветвей металлических растений зрели н-капсулы. Своеобразные плоды, содержащие ртутную жидкость, являлись не чем иным, как колониями скоргов, ждущими лишь своего часа, чтобы внезапно раскрыться, разбрызгивая металлические плевки. Одно пятнышко, попавшее на дешевую экипировку, и мотылек обречен. Без главного метаболического импланта, содержащего колонию скоргофагов[8 - Скоргофаги – особые колонии скоргов, созданные мнемотехниками. Базируясь в метаболическом импланте, они реагируют на попытку проникновения в организм сталкера «чуждых» микрочастиц. Используя кровеносную систему человека, скоргофаги быстро локализируют очаг поражения, уничтожая зародыш колонии своих «диких» собратьев.], любое инфицирование фатально.

Егеря, к счастью, не услышали слабых призывов, доносившихся из многоэтажки. Они по-прежнему были заняты прочесыванием руин.

На что я им сдался? – с тоской подумал Максим. Было непонятно, почему боевики Ковчега проявляют упорство.

Через пару минут он понял – искали не его.

Вот отморозки! – промелькнула в голове почти восхищенная мысль, когда один из егерей внезапно вскинул руку в предупреждающем жесте, а затем, видимо, передав информацию через мью-фон, резко отпрянул в сторону, с хода открыв огонь по окнам здания, расположенного на углу т-образного перекрестка.

В ответ огрызнулся армган, а через пару мгновений в одном из окон вновь промелькнула фигура сталтеха. Тот двигался стремительно, не обращая внимания на град пуль, осыпавших стены полуразрушенного офиса, с выцветшей, уже нечитаемой табличкой, закрепленной у входа.

Пространство улицы мгновенно превратилось в зону боевых действий. Двое боевиков Ковчега, прикрывая товарищей, держали сталтеха под постоянным огнем тяжелых импульсных пулеметов: цепочки разрывов, испаряющих бетон, превращающих фрагменты кирпичной кладки в рыжую пыль, бежали по фасаду здания, преследуя серебристую тень, не позволяя исчадию техноса открыть ответный огонь.

Максим инстинктивно подался вперед.

Забыв о призывах, звучавших из недр Клондайка, он напряженно следил за скоротечной схваткой.

Сталтех попался матерый, из старых. Очереди крупнокалиберных «ИПК» его не впечатлили. По крайней мере, отступить он не собирался – стремительный силуэт внезапно рванул вверх по иззубренной, наполовину разрушенной стене, образующей своеобразную шаткую лесенку.

Разрывы гнались за ним по пятам, но он благополучно достиг второго этажа, на секунду приостановился, резко разворачиваясь, и с его рук сорвались два лазерных разряда.

Один из боевиков Ковчега выскочил из-за укрытия.

Максим с немым ужасом заметил, что в шлеме егеря зияет огромная оплавленная дыра. Выронив «ИПК», тот инстинктивно пробежал несколько шагов и рухнул как подкошенный.

В следующий миг из руин хлопнули несколько выстрелов. Гранаты, выпущенные из подствольников, пролетев по короткой баллистической траектории, взорвались за огрызками стен второго этажа, как раз там, где только что исчез сталтех.

Нестерпимые вспышки плазменных разрывов ударили в теснине полуразрушенных помещений, все здание как будто подернулось рябью, вдруг начав рассыпаться, – раскаленные кирпичи взрывались, арматура плавилась внутри столбов бетонных опор, и те покрывались трещинами, осыпались угловатыми глыбами, казалось, что на месте двухэтажных руин вдруг начал извергаться вулкан – клубящееся облако пыли мгновенно расплзлось по улице,

но егеря не обращали внимания на резко ухудшившуюся видимость – их импланты передавали достаточно информации, позволяя двигаться уверенно и стремительно.

Пыль еще не успела осесть, когда вне поля зрения Максима коротко рывкнула очередь «ИПК», затем на минуту все стихло, и вдруг на краю движущегося дымопылевого облака появились егеря – трое шли в охранении, четвертый волок за ногу обезглавленный, оплавленный, изуродованный эндоостов сталтеха.

Поравнявшись с погибшим товарищем, боевики остановились. Один из них быстро подобрал оружие и снял уцелевшие части экипировки, оставив тело лежать на середине улицы.

Максим, все время лежавший без движения, пошевелился, коснувшись виска, где под плотно прилегающей к голове тканью защитного костюма располагался чип мью-фона.

Автоматически подстроившаяся частота донесла обрывок переговоров:

– ...да, не повезло. Сожги тело, чтобы скоргам не досталось.

Боевик, только что снявший экипировку с погибшего товарища, отложил в сторону окровавленную броню, достал какой-то баллончик, щедро опрыскал из него изуродованное тело и, отступив на шаг, выстрелил.

Посреди улицы вспыхнул чадный факел.

Зачем им сталтех? Почему они его не сожгут, как тело погибшего товарища? – промелькнула в голове Максима недоуменная мысль. Похоже, боевики Ковчега не собирались уничтожать жуткий трофей...

Устройство связи, опрометчиво активированное Максимом, продолжало работать.

– Сканер фиксирует чужой мью-фон, – внезапно резанула слух Максима фраза одного из боевиков. – Подстроен на нашу частоту.

– Откуда сигнал?

– Да вон, от высотки.

– Разберись.

У Максима все похолодело, сжалось в груди, но боевик, получив приказ, не стал рисковать, приближаясь к зловещему зданию. Он отцепил от пояса плазменную гранату и метнул ее прямо в Максима, притаившегося за грудой оплывшего щебня.

Ноги сами спружинили, поднимая тело.

Бежать по большому счету было некуда, но граната, стукнувшись о кучу бетонного гравия, покатила вниз, преследуя Максима, бросившегося прочь.

От плазменной вспышки не убежишь.

Мозг работал на удивление быстро, ясно, а субъективное восприятие времени словно начало растягиваться: он видел, как подскакивает на камнях небольшой цилиндр, как часто взмаргивает световой индикатор, отсчитывая секунды задержки, установленной на взрывателе...

Ему не оставалось ничего иного, кроме как метнуться в черную прореху, зияющую в плотном сплетении автонов, уводящую внутрь жуткого Клондайка.

Он едва успел заскочить в подъезд и кубарем вкатиться под пролет лестничного марша, как снаружи полыхнул ослепительный взрыв.

Спустя секунду Максим, открыв глаза, понял, что все еще жив, и тут же с ужасом заметил, как металлокустарники, раскалившиеся от адской температуры плазменной вспышки, поникли, оплавившись, медленно стекая по стене.

Прямо на его глазах округлый проем начал стремительно уменьшаться, затем и вовсе закрылся: раскаленная, размягчившаяся масса металлорастений, оплетавших стены здания, осела, наглухо замуравав вход.

Теперь только зловещее красноватое сияние слегка разгоняло мрак, царящий внутри Адского Клондайка.

* * *

Как и в прошлый раз во время пульсации, оказавшись перед лицом непреодолимых обстоятельств, Максим хоть и испытывал ужас, но не поддавался панике, не опустил руки, проклиная судьбу. Ему действительно стало очень страшно: вокруг в багряных сумерках шевелились неясные тени, температура внутри захваченного скоргами здания намного превышала уличную, приборы экипировки фиксировали, что источник аномального тепла расположен где-то под землей, скорее всего в подвалах.

Горячий сквозняк ощущался в районе лестниц – тут потоки нагретого воздуха устремлялись вверх, набирая силу ветра.

После первых секунд отчаянья шоковые ощущения понемногу отпустили, и он, включив фонарик, осмотрелся.

Вход замуровало, вязкая масса нагретых металлорастений теперь медленно остывала, но не беда – Максим часто изучал зловещее здание в бинокль и точно знал, что на уровне второго-третьего этажей в стенах зияют огромные бреши. Металлорастения оплетали их лишь по краям, и при желании через обвалившиеся участки фасада можно выбраться наружу.

Вопрос: как подняться наверх? Лестничные марши, по которым он тогда продвигался бегом, теперь представляли собой сплошную ловушку, на каждой ступеньке хищно отблескивали пятна металлизированных поверхностей, по стенам и перилам вились замысловато сплетающиеся между собой автоны, кое-где виднелись тонкие усики молодых побегов и утолщения, таящие уже созревшие н-капсулы.

Для отчаянного сталкера – действительно Клондайк артефактов, а для неимплантированного мотылька, неспособного дышать в отравленной ядовитыми испарениями атмосфере здания, не имеющего возможности защитить себя от скоргов, каждая ступенька – почти непреодолимый барьер.

Что делать?

Максим постепенно терял решимость. Он видел, как по стенам что-то движется, легкие волны искажений, сопровождаемые сполохами зеленоватого мерцания, напоминали о катастрофических событиях, той памятной пульсации. Внутри здания все выглядело более чем зловещим. Стены, покрытые металлической коркой, вспучивались узловатыми выступами – так из земли порой выпирают корни деревьев, – поверхность, расположенная между утолщениями, казалась разнородной, ее образовывали участки, шелушащиеся от окалины и окислов, кое-где из-под коросты проступали пятна светло-стального оттенка, именно по ним и струились искажения. Металл закручивался спиралевидными завихрениями, тек в разных направлениях, медленно, вязко; различные «течения» сталкивались, смешиваясь, и в таких местах на стенах образовывались потеки, капли серебристого вещества отблескивали лужицами на полу, а сполохи зеленоватого мерцания концентрировались, принимая вид медленно скользящих разрядов, возникающих в воздухе, соединяющихся с поверхностью стен и медленно движущихся вдоль преград, как будто энергетические усики, ощупывающие текучий рельефный рисунок...

Не смея шевельнуться, Максим продолжал озираться.

Постепенно к зрительному восприятию добавлялись иные детали, шумный ток крови, породивший гул в ушах, истончился, исчез, и теперь он слышал легкое потрескивание, тихий протяжный скрежет, неприятно царапающий по нервам, какие-то скрипы, подвывание ветра.

Здание казалось огромным организмом, абсолютно непостижимым для человека, и ощущать себя находящимся внутри было настолько жутко, что мышцы цепенели.

Но мнемотехник как-то прошел, поднялся наверх... – промелькнула в голове мысль.

Он прислушался.

На фоне ледящих душу звуков сверху опять донесся слабый стон.

Нужно лишь решиться, сделать первый шаг. Он осветил фонариком в сторону лестницы. Присмотревшись, Максим нашел то, что искал: некоторые участки металлизированных поверхностей потускнели и потрескались, словно на них недавно воздействовала сила, парализовавшая или вовсе умертвившая скоргов.

Вот он – путь, проложенный мнемотехником!

Максим осторожно шагнул на растрескавшуюся поверхность ближнего к нему пятна. Ничего не случилось, лишь металлическая корка неприятно захрустела, словно неокрепший ледок, крошась под весом сталкера.

Поселившиеся в здании скорги как будто почувствовали движение. Энергетические щупальца застыли, прекратив свой жутковатый танец, вязкие металлические ручейки, текущие по стенам, вдруг начали покрываться вздутиями, из них проклюнулись ростки, а в следующий миг с оглушительным треском в теснине лестничного марша от стены до стены ударили тонкие, похожие на проволоку, натянутые, будто струны, побеги автонов.

Максим замер.

Окажись он на ступеньку выше – его бы пронзило насквозь!

Липкий, холодный пот выступил на лбу, но смахнуть его не позволяла ткань защитного костюма, плотно прилегавшая к телу.

Молодые побеги автонов преградили путь наверх, но у Максима просто не осталось иного выхода, другого пути. Пространство за спиной наполнилось жуткими тенями, там все шевелилось, извивалось: от стен, пола, потолка медленно вытягивались гибкие металлизированные щупальца, жадно, но слепо ищущие жертву. Металлорастения сочлились ядовитыми, токсичными для человека испарениями, запаса химических реагентов в устройстве защитной дыхательной маски надолго не хватит – оставаясь внизу, он рисковал вскоре задохнуться. «Нет, – подумал Максим, – только вверх, к пятну блеклого дневного света, прочь от красноватых сумерек, наполненных зловещими тенями!..»

Работать лазерным ножом в толстых перчатках было неудобно. Тонкая рукоятка не ощущалась в пальцах, Максим дважды промахнулся мимо кнопки активации, затем все же нащупал ее, и невидимый луч инфракрасного спектра наискось

резанул по молодым побегам автонов.

Тонкие серебристые нити лопались с глухим звоном, пружинили, свиваясь в спирали, хлестали по стенам, высекая искры. Улучив момент, Максим рванулся вперед, стараясь наступать только на тусклые, потрескавшиеся участки ступеней.

Два лестничных марша он преодолел почти бегом, но мгновенья, затраченные на прорыв, показались ему едва ли не вечностью.

На втором этаже из покрытых коростой окислов стен выпирали уже не просто стволы автонов, а их сложные сплетения, образующие нечто, отдаленно похожее на грубые отливки деталей различных механизмов.

Бегло осмотревшись, Максим увидел цепочку серых потрескавшихся пятен, уводящую в одну из квартир.

Не задерживаясь на лестничной площадке, он ринулся туда, и едва не упал, споткнувшись о труп.

Сталкер, облаченный в тяжелую, оснащенную сервомускулами боевую броню лежал в безвольной позе. Его армган, закрепленный поверх бронепластин правой руки, был разряжен, о чем свидетельствовал тусклый индикатор красного цвета, крохотной искоркой тлеющий в сумраке небольшой прихожей.

Максим, с трудом удержав равновесие, осмотрелся. Вездесущая металлическая корка на стенах светилась язвами попаданий лазерных разрядов, в нескольких местах виднелись цепочки крупных свежих выщербин – следы очередей, выпущенных из крупнокалиберного «ИПК». Создавалось впечатление, что два или три человека вели в теснине небольшого помещения беспорядочный огонь из разных типов оружия, пытаясь уничтожить какую-то шуструю тварь, метавшуюся по стенам и потолку.

Из соседней комнаты раздался едва слышный, глухой стон.

Максим склонился над мертвым сталкером. Разряженный лазерный излучатель он трогать не стал, не до добычи сейчас, а вот пластиковую колбу с «Фричем»,

найденную в одном из подсумков, забрал.

Чуть отпустив ремень автомата, чтобы можно было стрелять, удерживая «Шторм» одной рукой, он шагнул в смежное помещение.

В глаза ударил холодный, серый дневной свет.

Угол здания, где располагалась квартира, снесло еще во время катастрофы, стены и пол уцелели лишь фрагментарно, между отдельными островками бетонных конструкций плавно прогибались ржавые, кое-где сплетенные с побегами металлорастений прутья арматуры.

Максим застыл как вкопанный.

Проклятье!..

Он мгновенно узнал это место. Перед ним простирался тот самый участок здания, где в бинокль были отчетливо видны тела трех сталтехов, густо оплетенные автонами, распятые на уцелевших фрагментах межкомнатных перегородок!..

Он резко повернулся и обомлел. Действительно, две смыкающиеся углом стены, между которыми сохранился изрядный фрагмент пола, покрывали толстые, узловатые ветви металлокустарников, но сталтехи куда-то исчезли, вместо них в сплетении металлических ветвей виднелись прорехи, еще сохранившие контур человекоподобных фигур.

Неподалеку от окна, пронзенный сквозь бедра и предплечья, нанизанный на острые, запятнанные кровью металлические шипы, был распят... сталкер! По его тяжелой броне змеились серебристые прожилки, лицо закрывало дымчатое забрало боевого шлема, по которому расплзлось несколько уродливых серебристых клякс.

Максима, словно в лихорадке, билась нервная дрожь. Этот мертв, без вариантов... Кто же тогда звал на помощь?

Он обернулся.

В противоположном углу разрушенного помещения застыла еще одна человеческая фигура, пронзенная побегами металлорастений.

Мнемотехник! Определить специализацию сталкера не составляло труда – даже оказавшись в безвыходном положении, он некоторое время продолжал борьбу, – сложные сплетения автонов, пленившие добычу, темнели пятнами омертвевших участков, на полу скопились лужи серебристой жидкости, но по ним не змеились искажения, ртутные кляксы уже подернулись мутноватой пленкой, так и не сумев дотянуться до ног мнемотехника.

Максим думал, что тот мертв, но несчастный вдруг конвульсивно содрогнулся, приходя в сознание, и с трудом приподнял голову. На нем был надет лишь бронежилет из активного пластика, лицо и руки мнемотехника казались черно-пепельными, глаза красные, губы пухлые, нос приплюснутый...

Африканец?!

Максим уже ничему не удивлялся.

– Сзади... – совершив невероятное усилие, сипло выдавил мнемотехник.

Максим резко обернулся, увидел стремительную несущуюся на него тень и вдруг понял: жить осталось доли секунды.

В таких ситуациях мысль не поспевает за действием. Не важно, мотылек ты или битый, не раз испытанный превратностями Пятизонья имплантированный сталкер, – когда на тебя несется исчадие техноса, робость или разумная осторожность теряют смысл, ты либо сопротивляешься, либо нет.

Максима спасла колба с «Фричем». Он не сунул ее в карман экипировки, а все еще сжимал в руке. Заметив силуэт сталтеха, стремительно бегущего по прогибающимся прутьям арматуры, Максим машинально метнул в него хрупкий пластиковый контейнер. Колба, ударившись о грудь сталтеха, разлетелась на осколки, густо испятнав исчадие техноса пузырящейся зеленоватой субстанцией. Там, куда попали капли «Фрича», металлизированные кости мгновенно теряли прочность, на короткое время становясь ломкими. Сталтех по инерции выскочил на уцелевший фрагмент перекрытия, рухнул на одно колено, и в этот миг Максим, реакция которого не поспевала за стремительностью

событий, открыл наконец огонь, разрядив по человекоподобной твари весь магазин «Шторма».

Эндоостов перерубило пополам, игольчатые пули, попадая в места, пораженные «Фричем», крошили в пыль металлизированные кости – сталтеху снесло половину туловища, оторвало руку, пробило череп, вышибая управляющую колонию скоргов серебристыми брызгами.

* * *

Тяжело дыша, еще не веря, что сумел уничтожить сталтеха, Максим обернулся.

Мнемотехник смотрел на него. В глазах сталкера читалось невыносимое страдание.

- Помоги... – теряя последние силы, прошептал он.

Эти мгновенья стали для мотылька решающими в его новой жизни. Какой-то десяток метров отделял его от спасения, бегство казалось наилучшим выходом из ситуации – пробраться по балкам, спрыгнуть на кучу щебня, исчезнуть в спасительном сумраке улицы, навсегда раствориться в руинах, и больше никогда не вспоминать о жутком здании, обходить проклятое место...

В душе не шло никакой борьбы. Мысли о спасении и бегстве породили лишь сосущую пустоту.

После невероятного напряжения моральных и физических сил внезапно навалилась оглушающая апатия, все казалось бессмысленным, ненормальным...

А где она, нормальная жизнь? Осталась далеко в прошлом, за порогом Катастрофы?

Максим никогда не страдал склонностью к самоанализу. Особенно сейчас, после череды смертельных опасностей, которых удалось избежать лишь чудом.

Он лишь вскользь подумал о фатальности происходящего, в мыслях внезапно возник образ Пингвина, к которому вечером идти на очередной сеанс стабилизации, и жизнь, за которую он так отчаянно цеплялся, вдруг показалась бессмысленной, мрачной, безысходной.

Он и сам затруднился бы ответить, что толкнуло его на отчаянный, рискованный поступок. Вместо того чтобы бежать, воспользовавшись моментом, он перезарядил автомат, закинул его за спину и начал осторожно приближаться к мнемотехнику.

Тот следил за ним движением зрачков. Губы стакера кривились, он пытался что-то сказать, но не находил сил.

Внезапно в сознании Максима возник тихий голос:

«Наступай... Только на серое...»

Он вздрогнул, замер, но тут же сообразил, что таинственный голос исходит от чипа мью-фона. Мнемотехник, не найдя сил прошептать нужные слова, воспользовался другим способом общения, требующим от него лишь мысленных реакций да адекватной работы имплантов.

«Срежь лазером шипы, что меня держат. Не бойся...» – вновь раздался тот же тихий голос, когда Максим приблизился вплотную к жуткой барельефной стене, где среди сплетения автонов виднелись контуры выращиваемых скоргами деталей непонятного механизма.

Максим судорожно сглотнул.

– Где еще два сталтехы? – спросил он, доставая лазерный резак.

«Мы их уничтожили», – ответил голос, по-прежнему передающийся в рассудок через чип мью-фона.

– Ты не жилец.

«Я справлюсь... Мои скоргофаги ведут борьбу...»

Максим включил резак. Шипы, пронзившие предплечья мнемотехника, поддались легко, вот только действовал он неточно, руки дрожали, зацепил экипировку и, кажется, прижег кожу, но мнемотехник стоически терпел боль, не издав ни звука.

Еще два шипа с хрустом подломились, из ран на ногах мнемотехника выступили капельки крови, он рухнул на пол и лежал, не шевелясь.

«Тебе придется меня тащить...»

– Как мы выберемся из здания? – Максим понемногу приходил в себя, начиная осознавать, что вдвоем им ни за что не вырваться из стен Клондайка. – Там по балкам нужно идти и прыгать, высота метра четыре, не меньше!

«Только не бросай меня... Мы выберемся... Не пожалеешь...» – голос мнемотехника звучал все тише, словно его начали покидать не только физические, но и моральные силы.

– Эй, ты не вздумай терять сознание!

Несколько секунд мью-фон глухо молчал, затем слабый голос возник вновь:

«Вниз по лестнице...»

– Там нет выхода!

«Разрежешь автоны лазером...»

Максим промолчал. А какие варианты? Сбросить раненого мнемотехника со второго этажа?

«Мое убежище неподалеку... Подвал... Метров двести от проспекта... Дотащишь?..»

– А куда мне теперь деваться? – Максим тяжело вздохнул. Героем он себя не чувствовал, скорее глупцом, поддавшимся минутному порыву сострадания. Еще

не факт, что мнемотехник совладеет с атаковавшими его скоргами. Возьмет да и начнет вдруг трансформироваться в сталтеху. Что тогда делать?!

От подобных мыслей мороз драл по коже, но Максим уже взвалил грузное тело на плечи. Ноги мнемотехника волочились по полу, но по-другому не получалось, слишком тяжелый...

Спуск вниз, в сумеречную утробу первого этажа, казался долгим и мучительным.

Максима бросало то в жар, то в холод, он едва тянул мнемотехника, отчаянно страхась облепивших перила металлорастений, но все обошлось. Спасенный сталкер сознания не терял, и во многом благодаря его мысленным усилиям автоны даже не шелохнулись.

– Тебя как звать? – Максим едва выдавливал слова побелевшими от напряжения губами, но молчать было невыносимо, звуки, издаваемые гигантской колонией скоргов, оккупировавшей здание, казались обжигающим шепотом, от которого цепенел рассудок.

«Антрацит...» – прозвучал в сознании ответ мнемотехника.

– И зачем ты сюда полез? – Максим хрипло дышал, стараясь не пошатнуться, не задеть металлизированное кружево, густо облепившее перила.

«Потом... расскажу...»

– Ладно. Не напрягайся. – Максим меньше всего хотел, чтобы мнемотехник потерял сознание, так, поддерживая диалог, он хоть знал, что тащит на плечах сталкера, а не нежить.

* * *

Проделать отверстие в оплавившейся массе замуровавших выход металлорастений удалось не сразу, а когда фрагмент спекшейся массы все же вывалился наружу и через дымящуюся по краям дыру внутрь здания щедро хлынул дневной свет, Максим вновь воспрял духом.

Снаружи таились сотни иных опасностей, но они не шли ни в какое сравнение с металлизированными этажами Адского Клондайка.

– Ну, ты как? Живой? – Он склонился над мнемотехником.

Антрацит не отвечал. Раны, нанесенные автонами, вспухли по краям, внутри сквозных разрезов плоти притаились испачканные запекшейся кровью металлические частицы, и это обстоятельство пугало Максима до крайности.

Он с трудом вытащил мнемотехника наружу, оставил его лежать на остекленевшей поверхности, в которую после взрыва плазменной гранты превратилась куча щебня, а сам осмотрелся.

Уже перевалило за полдень. Проспект и окрестные руины наполнились механической жизнью, даже слабые сканеры экипировки мотылька фиксировали полтора десятка различных механоидов...

«Отключи... сканеры... – неожиданно передал мью-фон голос пришедшего в сознание Антрацита. – Внимание... привлекаешь... Я сам теперь... справлюсь...»

Максим обернулся к нему.

Глаза мнемотехника были открыты, но в них не читалось проблеска мысли, лишь боль плескалась в расширенных зрачках.

– Куда идти-то?

«Отсюда... на север... по прямой... метров двести...»

– А как быть с механоидами?

«Справлюсь...»

Максим лишь пожал плечами, но сканеры все же отключил.

– Ты, это, разговаривай со мной! – Он вновь взвалил Антрацита на плечи. – А то откуда мне знать – вырубился ты или нет?

«Не... отвлекай...»

Максим разозлился. Теперь, оказавшись в более или менее знакомой обстановке, он, надрываясь, тянул грузное тело мнемотехника в указанном направлении, мысленно ругая себя за глупость. Давно бы уже был в лагере, сидел бы в герметичном убежище, а не тащил бы по руинам непонятно кого.

Двести метров – расстояние немалое. Хорошо хоть окрестные руины он успел изучить и двигался оптимальным маршрутом, вдоль одной из улиц, уводящей в нужном направлении.

Вокруг простиралась мрачная реальность разрушенного мегаполиса. Множество ловушек подстерегало на пути. Участки зыбучего асфальта, способные в доли секунд поглотить человека или механоида, попадались особенно часто, но их было достаточно легко определить по отсутствию трещин. Увидел гладкий фрагмент тротуара или дорожного покрытия, чистый, не усеянный мусором и обломками, – знай – ловушка. Серьезную опасность представляли собой столбы уличного освещения, особенно те, с которых свисали провода. Почти все они были оккупированы скоргами, хищные колонии микроскопических обитателей Пятизонья таились в обрывках проводов, научившись имитировать их естественный цвет и фактуру. Охотились такие колонии на всех, кто проходил или проезжал мимо, будь то сталкер или механоид. Безвольно обвисшие провода внезапно приходили в движение, извиваясь, словно змеи, они жалили жертву энергетическими разрядами, а затем прочно приторачивали к бетонному столбу, чтобы неторопливо расправиться с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Механоиды – сленговое название, бытующее в среде сталкеров. На языке военных – «изделие техноса».

2

Сигнатура, или энергоматрица, – характерная карта распределения побочных излучений, возникающих при работе устройства, механизма либо элементов энергопотребляющей экипировки.

3

Скорги – микроскопические частицы, способные образовывать сложные структуры. Основа всего техноса Пятизонья.

4

Н-капсула – плод металлорастения, содержащий дикую колонию скоргов, готовую к дальнейшему развитию.

5

ИПК – импульсный пулемет системы Карташова. В просторечье – «карташ».

6

Барьер – граница гравитационной аномалии, внутри которой расположена зона отчужденных пространств.

7

Армган – сленговое название лазерного излучателя.

8

Скоргофаги – особые колонии скоргов, созданные мнемотехниками. Базируясь в метаболическом импланте, они реагируют на попытку проникновения в организм сталкера «чуждых» микрочастиц. Используя кровеносную систему человека, скоргофаги быстро локализуют очаг поражения, уничтожая зародыш колонии своих «диких» собратьев.

Купить: https://tellnovel.com/livadnyy_andrey/stalteh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)